

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Светлана
Аллилуева**

20 ПИСЕМ К ДРУГУ
ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ
ДОЧЕРИ СТАЛИНА

Светлана Иосифовна Аллилуева 20 писем к другу. Последнее интервью дочери Сталина Серия «Советский век»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67922661

*20 писем к другу. Последнее интервью дочери Сталина: Родина; Москва;
2021*

ISBN 978-5-00180-158-0

Аннотация

Героиня этой книги – дочь всесильного Вождя, восставшая против отца, одна из самых неоднозначных женщин новейшей истории нашей страны. Незадолго до смерти Светлана Аллилуева успела дать развернутое интервью о себе, эпохе и своем отце. Она не подозревала, что это интервью станет последним.

Дочь Сталина откровенно рассказывает о своей семье, об эпохе, которую ей довелось пережить, и о своей сложной и увлекательной судьбе. В книгу также вошли давно не переиздававшиеся «20 писем к другу» – самая известная книга Светланы Аллилуевой.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

Содержание

Ада Петрова, Михаил Лещинский. Последнее интервью дочери Сталина	5
От авторов	5
Глава первая. «Воспоминанья слишком давят плечи, как будто это было не со мной...»	14
Дом, полный любви	14
Надежда Сергеевна	19
Яков	28
Василий	32
Светлана – дочь Иосифа	40
Глава вторая. «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»	64
В поисках себя	64
«Была без радости любовь, разлука стала без печали...»	69
Пророчества сбываются. Князь заморский	78
Глава третья. «Свой посох я доверил Богу...»	83
Индийский излом	83
Отвергнутая родина	91
Глава четвертая. На чужих берегах	107
Крушение американской мечты	107
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Светлана Аллилуева

**20 писем к другу. Последнее
интервью дочери Сталина**

© Аллилуева С, наследники, 2021

© ООО «Издательство Родина», 2021

Ада Петрова, Михаил Лещинский. Последнее интервью дочери Сталина

От авторов

В последний день ноября 2011 года на новостных лентах информационных агентств, в программах радио и телевидения появилось сообщение о том, что в США в городке Ричленд (штат Висконсин) в возрасте 85 лет скончалась от онкологического заболевания Лана Питерс, известная в России как Светлана Иосифовна Аллилуева, единственная дочь Сталина. Журналист местной газеты Wisconsin State Journal Даг Моу сообщил, что смерть наступила еще 22-го числа, но муниципальные власти не предали этому должного значения, так как им не было известно прежнее имя одной из обитательниц дома престарелых. Этот же корреспондент поведал, что был знаком с покойной, бывал в ее очень скромной однокомнатной квартирке, где не было даже телевизора. «Это была бедная женщина, живущая на 700 долларов в месяц от государства», – заявил он.

Ее рожденная в Штатах дочь Ольга Питерс, ставшая теперь Крис Эванс, живет в Портленде (штат Орегон), где вла-

деет небольшим магазином одежды. Она сказала, что часто общалась с матерью по телефону, ездила к ней в Ричленд, а сейчас собирается на похороны.

Все сообщения были лаконичными, лишенными эмоций, с короткими комментариями, которые в основном касались ее отца и жизни Светланы в Америке.

Для нас это горестное событие стало настоящим эмоциональным ударом, принесло ощущение потери, которое испытываешь, теряя близкого человека или душевного друга. А ведь знакомы-то мы были совсем немного и провели вместе всего лишь неделю, да и то два десятилетия назад, еще в прошлом веке. Но вспомнилось многое...

Среди дворцовых палат и помпезных храмовых врат есть за Кремлевской стеной ничем не примечательное строение с массивной дверью под железным козырьком крыльца. Когда-то здесь была святая святых: последняя квартира Сталина в Кремле. После смерти вождя комнаты сохранялись в неприкосновенности, словно холуи боялись, что Хозяин вот-вот вернется. Позже квартира стала частью Президентского архива. Здесь в строжайшей тайне и полной неприкосновенности хранятся все, или почти все, документы и свидетельства важнейших событий в жизни Иосифа Джугашвили-Сталина и членов его семьи.

Есть какая-то тайна в Кремлевском холме, отгороженном от мира то ли крепостной, то ли тюремной стеной. Злые шутки играет судьба с теми, кто воцаряется здесь. Избран-

ные быстро забывают о том, что они тоже простые смертные, что в результате все вновь обернется ложью, предательством, разоблачениями, трагедией, а то и фарсом. Об этом поневоле задумаешься, листая тысячи архивных документов, начиная от каких-то медицинских справок и результатов анализов, частных писем и фотографий до документов, имеющих без преувеличения историческое значение.

Именно тогда обратили мы особое внимание на простенькие папки с «ботиночными» шнурками, на которых от руки было написано: «О невозвращении Светланы Аллилуевой». Слово-то какое придумали: «невозвращение». В этих папках открылась вся жизнь дочери Сталина. Архивная биография эта была, словно мозаичное панно, собрана из мельчайших деталей; детских рисунков и донесений охранников, писем родителям и расшифровок подслушанных разговоров, документов спецслужб и телеграмм дипломатических представительств. Картина получалась разнообразная, но достаточно мрачная, причем всегда: и при жизни отца, и после его смерти, и на Родине, и за рубежом.

Что все мы знали тогда об этой женщине? Да ничего. Разве что скабрешную частушку:

Калина-малина,
Сбежала дочка Сталина –
Светлана Аллилуева.
Вот семейка х...ва.

Стыдно теперь за эти «познания». В это же русло устремились и потоки изоощренной лжи, вылившиеся на страницы советской прессы после отъезда Аллилуевой в марте 67-го. О чем только не писалось тогда с подачи опытных «редакторов» из КГБ! Утверждалось, что этот поступок спровоцирован тяжелым психическим недугом, неумеренной сексуальностью, манией преследования. С другой стороны предполагалось тщеславие, жажда обогащения, поиски дешевой популярности. Договорились даже до поисков сокровищ отца, якобы, спрятанных в западных банках. С годами стали появляться статьи, очерки и целые книги об этой жизни, основанные на каких-то косвенных свидетельствах, сплетнях, домыслах и мифах. И никто из этих «авторов» не видел ее, не говорил, не брал интервью.

Меж тем за рубежом были изданы и четыре ее собственных произведения, появившиеся в 90-е и у нас: «20 писем к другу», «Только один год», «Далекая музыка», «Книга для внучек». Несомненно, они много сказали о трагической судьбе ребенка, женщины, матери и жены, незаурядной личности, наконец. И все же чувствовалось, что многие главы написаны в них под влиянием настроения, момента, противоречий и метаний неумемной души. И, конечно, надо учитывать и то, что написаны и изданы они на Западе, невольно, может быть, но «подстроены» под тамошнего читателя и издательские коммерческие интересы.

Документы из секретного и поныне досье настолько по-

трясли, что было решено непременно найти Светлану Иосифовну и, если получится, сделать с ней телевизионное интервью. Конечно, было известно, что сделать это очень просто. К середине 90-х она уже много лет жила на Западе, в последние годы не давала никаких интервью, поменяла имя и фамилию, тщательно скрывала не только свой адрес, но не было известно даже, в какой стране обосновалась.

Начали с поисков московских родственников. А их, к счастью, тогда было еще немало: двоюродный брат Владимир Аллилуев – сын Анны Сергеевны Аллилуевой, родной сестры жены Сталина Надежды, двоюродные брат и сестра Кира и Павел – дети Павла Сергеевича Аллилуева, родного брата Надежды, племянник Александр Бурдонский, сын Василия Сталина, и, наконец, сын Светланы Иосифовны Иосиф Аллилуев. Все они очень милые, интеллигентные, вполне состоявшиеся люди. Владимир Федорович Аллилуев – инженер, писатель, Кира Павловна Политковская (урожд. Аллилуева) – актриса, Александр Павлович Аллилуев – ученый-физиолог, Александр Васильевич Бурдонский (урожд. Сталин) – театральный режиссер, народный артист республики, Иосиф Григорьевич Аллилуев – кардиолог, доктор медицинских наук.

К величайшему сожалению, теперь многих уже нет в живых, но мы сохранили записи интервью с ними, которые представим в этой книге. То были яркие, хотя отнюдь не радужные воспоминания об истории семейного клана, чьим

злым роком стало родство со Сталиным, и, конечно, о Светлане, которую, несмотря на разрыв с Родиной и семьей, помнили и по-родственному любили.

Владимир Федорович Аллилуев, единственный из многочисленной родни, продолжал поддерживать связь с двоюродной сестрой, а, точнее, она доверяла ему и переписывалась. Владимир Федорович и помог нам связаться со Светланой Иосифовной. По его рекомендации она согласилась встретиться в Лондоне, где жила тогда. И мы поехали...

Когда мы позвонили ей и сказали, что уже в Лондоне и готовы работать, она не пригласила нас к себе, а предложила встретиться где-нибудь в городе: в Кенсингтонском парке, например. Мы очень волновались, зная по рассказам ее непредсказуемый характер, крутой нрав. Ожидать можно было чего угодно. Наша героиня могла отказаться от интервью, поддавшись минутному капризу, а может быть, мы ей просто не понравимся.

Она ведь столько уже натерпелась от прессы.

В тот день поздней осени город с утра засыпало столь необычным для Лондона снегом. Конечно, на улицах и тротуарах он быстро растаял, а вот в парке еще лежал на зеленых газонах и уцелевшей еще пожухлой листве. Белым были обрамлены и золоченые ворота Кенсингтонского дворца – тогда еще резиденции принцессы Дианы. Подумалось профессионально: в парке принцессы английской встреча с принцессой кремлевской. Однако появление Светланы Иосифов-

ны тут же разрушило этот только что родившийся очередной журналистский штамп. К нам подошла очень скромно одетая, немного сутулая обаятельная женщина, раздумывая от утренней снежной прохлады. Сразу обратили на себя внимание ее открытое лицо, приветливая, почти застенчивая улыбка и большие светлые глаза. Никакой настороженности, напряженного внимания во взгляде – она была сплошное обаяние. И, как будто были знакомы сто лет, затеялся разговор о пустяках: как долетели, как устроились, что в Москве? Мы передали ей какие-то письма, посылочки, которые она, не вскрывая, сразу же убрала в сумку. Не затягивая вынужденную неловкую паузу, Светлана стала рассказывать о парке, где назначила встречу, о том, что именно здесь она любит проводить свои одинокие дни. Ничуть не смущаясь, показала на маленькую кафешку у пруда и сказала, что здесь утром она пьет чай с булочкой, а на обед – бульон с пирожком. Все самое простое, доступное. Здесь же, на аллеях парка, читает книги, кормит уток и лебедей на пруду, а вечером уезжает в свою маленькую квартирку на севере Лондона, своеобразное общежитие для пожилых людей, находящееся на попечении городских властей. Транспорт, слава богу, для пенсионеров бесплатный, а вот за жилье и коммунальные услуги приходится платить, но совсем немного. Так что 300 фунтов пенсии, которую ей назначил один уважаемый профессор из Кембриджа, вполне хватает...

Она сразу же стала выкладывать все эти подробности, буд-

то боясь наших вопросов, неосторожного, а, быть может, и бестактного вторжения в ее частную жизнь. Она очерчивала круг, внутрь которого ступать было нельзя. Конечно, этому ее научили десятилетия, проведенные в Америке и Англии, горький опыт общения с наглой и циничной прессой. А ведь поначалу газеты восторженно писали:

«Это изящная, жизнерадостная женщина с рыжими вьющимися волосами, голубыми робкими глазами и привлекательной улыбкой, весь облик которой светится чувствами добра и искренности. «Хелло! – говорит она. – Фотографируйте, пишите и говорите обо мне все, что угодно. Как это много – сказать перед всем миром все, что думаешь...»

Через пару десятилетий те же издания стали сообщать о том, что дочь Сталина скатилась на дно, живет в ночлежке для наркоманов и алкоголиков, теряет человеческий облик. Естественно, что все эти «новости» с радостью подхватывала и наша пресса.

Мы понимали, каких усилий стоило ей решение встретиться с нами, были благодарны за это и боялись спугнуть только-только установившееся хрупкое еще доверие. Конечно, у нас и в мыслях не было когда-нибудь злоупотребить им, но все же предстояло каким-то образом добиться, чтобы она вновь перелопатила всю свою жизнь, открыла ее драмы, надежды и разочарования. Удивило, что Светлана Иосифовна не стала спрашивать о родных, о жизни в стране. Неужели за годы скитаний она не только изменила свое имя, став

никому не известной Ланой Питерс, но и отринула от себя все, что связано с землей, где родилась, была счастлива и несчастна, где упокоился прах ее родителей, бабушек и дедушек, где увидели свет ее дети? Конечно, нет. Скорее всего, это была лишь первоначальная защитная реакция от прикосновения к больному, глубинному. Потом все так и оказалось.

Однако подошло время святого для англичан ланча, и мы отправились в самый обычный лондонский ресторан. Обед был обычным, но видно было, какое удовольствие доставляют ей самые обычные блюда, как смакует она все, что подано к столу. «Давно я так не пиновала», – поблагодарила в конце, и было очевидно, что это истинная правда.

Расставаясь, договорились о съемках завтра. И вновь она не захотела, чтобы мы снимали у нее дома или мы приехали за ней. «Я сама приду к вам в отель», – сказала на прощанье.

Глава первая. «Воспоминанья слишком давят плечи, как будто это было не со мной...»

Дом, полный любви

Наутро перед камерой она была свежа и естественна: никакой «зажатости», жеманства, желанья понравиться. И разговор начался как бы с полуслова, зацепившись за броский заголовок в одной из привезенных нами газет: «Кремлевская принцесса».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Господи, какая чушь! Да не было там никаких принцесс. Здесь тоже писали, что она ела из золотых тарелок, спала на кроватях из царского дворца. Ерунда все это. Так пишут люди, которые ничего не знают, не были там. В Кремле мы все жили в строгости, в работе, в занятиях. В мое время все так называемые «кремлевские дети» очень усердно учились, кончали университеты, получали специальности. Это было важно. Кто там жил? Молотовы, Ворошиловы, Калининны и мы. У всех были довольно убогие квартирны с казенной мебелью. У нас при жизни мамы была небольшая, бедно мебели-

рованная квартира в доме, где при царе жила дворцовая прислуга. Отец был очень строг в смысле быта и одежды. Очень следил. Увидит на мне что-то новое, нахмурится и спрашивает: «Это что? Заграничное? – «Нет, нет», – говорю. «Ну, тогда ладно». Очень не любил заграничное. Никакой косметики, никаких духов, ни губной помады, ни маникюра. Ни боже мой! Какая уж тут принцесса! Я вообще очень не любила кремлевскую квартиру, даже детских воспоминаний ярких не сохранилось об этой жизни «за стеной». Другое дело – дача в Зубалово. Это была когда-то богатая усадьба бывшего нефтепромышленника. Отец поселил семью там, а рядом обосновался Микоян. Я помню Зубалово, как дом, полный любви. Они были все очень добрые, Аллилуевы. Бабушка и дедушка постоянно жили в Зубалово, а остальные приезжали: мамина сестра Анна Сергеевна, брат Павел Сергеевич, внуки аллилуевские. Нас было 7 человек детей. И все тут же крутились, вертелись под ногами. Отец был не из тех, кто любит быть один. Он любил компанию, любил стол, любил угощать, развлекать. Грузины ведь народ семейный. У отца же не было ни братьев, ни сестер. Вместо кровных родственников для него семьей стали родители, братья, сестры его жен – Екатерины Сванидзе и моей мамы. Когда я была ребенком, я очень любила своих родителей, маму больше, дедушку, бабушку, тетюшек и дядюшек, братьев и сестер».

Конец 20-х годов – начало 30-х были счастливым време-

нем для семейного клана Сванидзе – Аллилуевых. Еще все вместе, успешны, живы и здоровы. Сергей Яковлевич Аллилуев и его жена Ольга Евгеньевна встречали старость в почете и достатке, в окружении детей и внуков.

Их дочь Надежда, жена Сталина, женщина умная и дипломатичная, умела объединить очень разных и непростых родственников.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«С дядей Лешей Сванидзе отец познакомился еще в молодости. Тогда у Александра Семеновича была партийная кличка Алеша. Так он и остался для всех нас под этим именем. Он был европейски образованным марксистом, большим финансовым деятелем, много лет работал за границей. Я запомнила его и его жену тетю Марусю как настоящих иностранцев: так они были интеллигентны, образованны, всегда хорошо одеты. В те годы это была редкость даже при «кремлевском» дворе. Я любила Марию Анисимовну, даже пыталась в чем-то подражать ее. Она была в прошлом оперной певицей, любила приемы, веселые застолья, премьеры.

А сына своего Джонрида, Джоника, они воспитывали, в отличие от нас, как настоящего барчука. Были еще Сашико и Марико, родные сестры дяди Алеши, но я их как-то не запомнила.

Больше же всех я любила аллилуевских родственников – дядю Павлушу и тетю Аню, маминых брата и сестру. Дядя

воевал под Архангельском с англичанами, потом с белогвардейцами и басмачами. Он стал профессиональным военным, дослужился до генерала. Долго работал военным представителем в Германии. Отец любил Павла и его детей Киру и Сашу.

Анна Сергеевна была на удивление доброй и самоотверженной. Она вечно переживала за семью, знакомых, всегда просила за кого-то. Отец всегда страшно негодовал на это ее христианское всепрощение, называл ее «беспринципной душой». Мама жаловалась, что Нюра портит детей и своих и моих. Тетя Анечка всех любила, всех жалела и прощала любую детскую шалость.

Я все время хочу воскресить в памяти те солнечные годы детства, поэтому говорю обо всех тех, кто был участником нашей общей жизни».

Из интервью Киры Павловны Политковской-Аллилуевой:
«Это было веселое время. Приезжал Ворошилов, Микоян, Буденный с гармошкой, начинает играть, Орджоникидзе танцует лезгинку. Весело время проходило. Я не помню, чтобы они много пили: так вино легонькое, кислое. По кавказской традиции и нам, детям, давали. Дедушка был не очень веселый, а вот бабушка могла взять гитару, спеть.

Сталин умел общаться с детьми, забывал, кто он и что он. Очень все любили кино смотреть наше и американское с Динной Дурбин.

В то время Светлана ладила со всеми, или черты ее характера не проявлялись. Мы всегда спали в одной комнате: ее кровать у одной стены, моя – у другой. Я всегда танцевала. Нянечка уйдет, а Светлана просит меня потанцевать. Она сидит на кровати, а я танцую под Штрауса на патефоне. Очень была хорошая девочка».

Из интервью Александра Павловича Аллилуева:

«Иосиф Виссарионович очень любил играть в бильярд. Мой отец тоже хорошо играл. И вот однажды они договорились сыграть на пролаз под столом. Обычно Сталин выигрывал, но на этот раз победил отец. Возникла курьезная ситуация. Никто не мог представить, что Сталин полезет под стол. Отец быстро среагировал и велел лезть мне, что я с превеликим удовольствием исполнил. И вдруг моя сестра Кирка возмутилась, что это нечестно, что Сталин должен лезть под стол. Все засмеялись, а Сталин громче всех. Сталин любил, когда собиралась большая компания. Бывало так, что за столом сидели маршалы Буденный, Ворошилов, Егоров, Тухачевский, здесь же наши родители и мы, дети. Такие сборища часто заканчивались большими возлияниями, а после них принято было бороться. Сложно было мериться силами с Тухачевским. Он был физически сильный человек, спортивный. Он своих оппонентов быстро укладывал. И в одной такой борьбе он в сильном подпитии подошел к Иосифу Виссарионовичу и поднял его на руках, давая понять, что он мо-

жет все. Я посмотрел в глаза Сталина и увидел там такое, что сильно напугало меня и запомнилось, как видите, на всю жизнь».

Что ж, эти ребяташки могли с полным основанием декламировать пионерский лозунг тех дней: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Правда, детство это очень быстро кончилось. Семейный клан был разгромлен его главой. Одних уничтожили, другие отправились в ссылку и лагеря. И точкой отсчета всех несчастий стало самоубийство матери Светланы.

Надежда Сергеевна

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Отец познакомился с семьей большевика Аллилуева в 1890 году, когда мамы еще не было на свете. У него была жизнь подпольщика. Ни дома, ни семьи. Четыре раза был в ссылке в Сибири, три раза убегал. Бабушка, дедушка его опекали, как родители. Они были старше. Они посылали ему в Сибирь табак, сахар. Он им писал очень нежные письма. Когда он в очередной раз вернулся из ссылки, маме еще не было 16. Она в него влюбилась.

Аллилуевы, я думаю, его жалели. Это позже стали говорить, что он великий человек. А тогда он не был никаким «великим». В нем была бездомность, неухоженность. Я

очень часто думаю, почему мама в него влюбилась? Она его жалела, а когда женщина жалеет – это уже все.

Когда я была ребенком, я обожала маму, просто обожала. Мама – это было все: дом, семья. Теперь-то я понимаю, что детьми она занималась немного. Ее больше заботило наше воспитание и образование, потому что и сама всю жизнь стремилась к этому. Мое детство с мамой продолжалось всего шесть с половиной лет, но за это время я уже писала и читала по-русски и по-немецки, рисовала, лепила, писала нотные диктанты. Мама добывала где-то для меня и моего брата хороших воспитателей... Это была целая образовательная машина, которая крутилась, запущенная маминой рукой, – самой же мамы никогда не было дома возле нас. В то время, как я сейчас понимаю, женщине, да еще партийной, неприлично было проводить время около детей. Это считалось мещанством. Тетушки говорили мне, что она была «строгой», «серьезной» не по годам, – она и выглядела старше своих 30 лет только потому, что была необычайно сдержанна, деловита и не позволяла себе распускаться».

Когда мы работали в «Фонде Сталина», нам, естественно, никто не разрешал делать копии документов, но мы пошли на хитрость: снимали все на камеру, а потом делали фотокопии с экрана кинескопа. Таким образом, удалось многое привезти в Лондон и показать Светлане Иосифовне. Была там и семейная переписка между отцом и матерью, Светланой и

отцом. Первое, что мы слышали от нее, когда открыли папки с документами, были слова возмущения тем, что эти глубоко личные письма хранятся в каких-то государственных архивах, что ими распоряжаются совершенно чужие люди.

А, меж тем, письма эти много могли бы рассказать об отношениях в семье, Сталина с женой, чего 6-летняя тогда Светлана помнить просто не может. Вот, например, несколько фрагментов из писем, которыми обменивались супруги, когда Сталин уезжал в «бархатный» сезон лечиться на юг.

«Без тебя очень и очень скучно, как поправишься, приезжай и обязательно напиши мне, как себя чувствуешь. Мои дела пока идут успешно, занимаюсь очень аккуратно. Пока не устаю, но ложусь спать в 11 часов. Зимой, наверное, будет труднее...» (Из письма Надежды 27 сентября 1929 года.)

«Как твое здоровье? Приехавшие товарищи рассказывают, что ты очень плохо выглядишь и чувствуешь себя. По этому случаю на меня напали Молотовы с упреками, как это я могла оставить тебя одного...» (Из письма Надежды 19 сентября 1930 года.)

«Попрекнуть тебя в чем-либо насчет заботы обо мне могут лишь люди, не знающие дела. Такими людьми и оказались в данном случае Молотовы. Скажи от меня Молотовым, что они ошиблись насчет тебя и допустили в отношении тебя несправедливость.»

Что касается нежелательности твоего пребывания в Сочи, то твои попреки так же несправедливы, как несправедливы

попреки Молотовых в отношении тебя... «(Из письма Сталина 24 октября 1930 года.)

«Направляю тебе «семейную корреспонденцию». Светланино письмо с переводом, так как ты вряд ли разберешь все те важные обстоятельства, о которых она пишет...

Здравствуй папочка, приезжай скорее домой фчера ритка токой пракас зделала уж очень он азарная целую тебя твоя сятанка». (Из письма Надежды 21 сентября 1931 года.)

«Здравствуй, Иосиф! В Москве льет без конца дождь. Сыро и неуютно. Ребята, конечно, уже болели гриппом и ангиной, а я спасаюсь, очевидно, тем, что кутаюсь во все теплое. За город так и не выбралась. В Сочи, наверное, прекрасно, это очень и очень хорошо.

У нас все идет по-старому однообразно – днем заняты, вечером дома и т. д. ...» (Из письма Надежды 26 сентября 1931 года.)

Конечно, человека непосвященного эти письма не удивят, но для дочери, которая никогда прежде не видела переписки родителей, они значили многое. Видимо, под влиянием этих впечатлений она вспомнила фразу из разговора родителей, случайным свидетелем которого стала. Так бывает в жизни, когда вдруг в памяти всплывает какой-то эпизод из далекого и уже давно забытого детства.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Ты все-таки немножко любишь меня!» – сказала мама отцу.

Меня так удивило это «немножко». Ребенку казалось, что все вокруг должны любить друг друга очень-очень. При чем здесь «немножко»? Теперь-то я понимаю, что эта фраза была продолжением какого-то большого и нелегкого разговора, каких наверняка было много в их жизни. Я думаю, что отца было терпеть очень трудно. Сдерживая себя в деловых отношениях, дома он не церемонился. Мне довелось в полной мере испытать потом это на себе. Я уверена, что мама продолжала его любить, несмотря ни на что.

Она любила его со всей силой цельной природы однолюба. Ее сердце, я думаю, было покорено раз и навсегда. Жаловаться и плакать – она этого не терпела...

Еще я очень хорошо помню два последних дня ее жизни. 7 ноября мама взяла меня на парад на Красной площади. Это был мой первый парад. Я стояла рядом с мамой с красным флажком в руке, а Хрущев, который был рядом, все время поднимал меня на руки, чтобы лучше было видно всю площадь. Мне было 6 лет и впечатления были очень яркими. На следующий день воспитательница сказала нам, чтобы мы описали все, что видели. Я написала: «Дядя Ворошилов ездил на лошади». Мой 11-летний брат высмеял меня и сказал, что надо было написать: «Товарищ Ворошилов скакал на коне». Он довел меня до слез. В комнату вошла мама и рассмеялась. Он увела меня с собой в свою комнату. Там

усадила на тахту. Все, кто жил на Кавказе, не могут отказаться от этого традиционного широкого дивана с валиками. Мама долго внушала, какой я должна быть и как себя вести «Не пей вина! – говорила она. – Никогда не пей вина!» Это были отголоски ее вечных споров с отцом, который по кавказской привычке всегда давал детям хорошее виноградное вино. Она думала, что в будущем это не приведет к добру. Между прочим, пример моего брата Василия доказал это. Я долго сидела у нее в тот день на тахте и оттого, что встречи с мамой были редки, хорошо запомнила эту. Если бы знать, что она последняя!

Все, что произошло вечером 8 ноября, я знаю только по рассказам. Был правительственный банкет в честь 15-й годовщины Октября. «Всего-навсего» отец сказал ей: «Эй, ты! Пей!» А она «всего-навсего» вскрикнула вдруг: «Я тебе не «эй»!» – встала и при всех вышла из-за стола. Потом Полина Семеновна Молотова, с которой они вместе ушли с банкета, рассказывала мне: «Казалось, что она успокоилась. Она говорила о планах, о занятиях в академии, о будущей работе». Полина Семеновна приглашала ее к себе, чтобы не оставлять на ночь одну, но мама отказалась и ушла... Тетки потом говорили мне, что причиной ее самоубийства стала какая-то болезнь, причинявшая постоянные головные боли, глубокая депрессия...»

Конечно, то, что рассказала Светлана Иосифовна, это наиболее «мягкий» вариант происшедшего на том злосчастном

банкете. Скорее всего, это версия ее отца, принятая в семье. На самом же деле воспоминаний об этом событии и его толкований масса. Одни говорят, что он кидал в нее хлебным мякишем и корками апельсина, другие припомнили, что прилюдно созванивался с какой-то женщиной и, вызвав машину, уехал к ней, третьи считают, что это было обострение психического расстройства. Есть еще и совсем уж невероятная версия, что она должна была застрелить Сталина, но не смогла и покончила с собой. Так или иначе, Надежда ушла домой и там застрелилась из пистолета, подаренного ей братом Павлом.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Никто не мог понять, как же она могла это сделать. Мама была человек очень сильный, организованный. Она выросла в семье революционеров-подпольщиков, была рядом с отцом на Гражданской войне, работала в секретариате Ленина. Ей был всего 31 год. Ужасно. Отец считал это предательством. Нож в спину. Тут же начали шептать, что это он ее убил. Так и до сих пор идет. Но мы в семье знаем, что это не так. Ему было очень трудно. Он вдруг начинал говорить: «Ты подумай, у нее был маленький такой пистолетик. Павел нашел, что подарить». Смерть мамы его подкосила. Родственникам говорил: «смерть Нади искалечила меня навсегда». Это действительно было так. Он лишился доверия ко всем».

Из интервью Александра Аллилуева:

«Спустя годы моя мать рассказывала мне, что никто предположить не мог, что дело закончится стрельбой. Надежда Сергеевна собиралась поехать с детьми к родственникам в Ленинград. Подоплеку этого она не раскрыла, а только отдала своему брату, а моему отцу, с которым была очень близка, какой-то маленький сверток и сказала: «Вот меня не будет, я не хотела бы, чтобы кто-то туда лазил».

Когда случилась эта страшная трагедия, папа пришел домой и спросил маму о свертке. Открыли и увидели письмо. О нем наша семья молчала много лет. Обращаясь к отцу и маме, Надежда Сергеевна писала, что она принимает решение уйти из жизни, так как не видит другого выхода. Иосиф ее замучил, он достанет ее всюду. Он совсем не тот человек, за которого себя выдает, за которого они его принимали. Это двуликий Янус, который переступит через все на свете. Надежда Сергеевна попросила принять участие в детях, особенно позаботиться о Василии, мол, Светлану он и так любит, а Василия жучит.

Родители были потрясены. Мама предложила показать письмо Сталину, но отец категорически не согласился и сказал, что письмо надо сжечь. Так и сделали. Много лет они молчали об этом письме и только лишь после войны, когда мама вышла из лагеря, она рассказала мне и Кире».

Официально причиной смерти жены Сталина был объявлен аппендицит. Похороны были устроены, что называется,

по первому разряду: с некрологами и статьями в газетах, всенародной скорбью и шествием траурного кортежа через центр Москвы. 9 ноября попрощаться с матерью привезли Светлану и Василия. Светлана Иосифовна говорит, что это стало самым страшным воспоминанием ее детства. 6-летнюю девочку заставили подойти к телу матери и поцеловать холодный лоб. С громким плачем она убежала. До сих пор доподлинно неизвестно, простался ли с Надеждой Сталин. Одни утверждают, что он подошел, поцеловал жену, а потом оттолкнул от себя гроб, другие говорят, что его перепутали с Алешей Сванидзе, а Сталина, мол, вообще не было на похоронах, да и на могилу он никогда не приходил.

Из интервью Владимира Аллилуева:

«У многих членов нашей семьи, и у меня в том числе, было убеждение, что обида на Надежду за самоубийство была так глубока, что Сталин никогда так и не приходил на ее могилу. Но оказалось, что это не так. Сотрудник охраны Иосифа Виссарионовича Алексей Рыбин, бывший рядом с ним долгие годы, рассказал мне, что в октябре 1941-го года, когда судьба Москвы висела на волоске и правительство готовилось к возможной эвакуации, Сталин приехал на Новодевичье кладбище проститься с Надеждой Сергеевной. Он же утверждал, что Иосиф Виссарионович периодически приезжал на Новодевичье и подолгу молча сидел на мраморной скамье около памятника. В стене монастыря напротив захо-

ронения была даже прорублена для него небольшая калитка».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я думаю, что смерть мамы унесла из его души последние остатки тепла. Он освободился от ее смягчающего присутствия, так мешавшего ему. Я думаю, что с той поры он окончательно укрепился в том скептически недоброжелательном взгляде на людей, который был свойственен его натуре».

Яков

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Яшу мы все очень любили. Сейчас, с высоты лет и опыта, мне кажется, что именно он мог стать моим единственным другом, близким человеком на всю жизнь. Он был значительно старше всех нас, детей, и уже тем самым притягивал мое внимание, а еще в нем была какая-то загадка и рождения, и появления в нашей семье, и в отношениях с отцом, которого мы, младшие, считали только своим.

Яша родился в 1907 году от первого брака отца с Екатериной Сванидзе. Она умерла совсем молодой от тифа. До четырнадцати лет он рос в семье Сванидзе в Грузии, а потом был отправлен в Москву. У отца с ним были сложные отношения. Он любил меня и Васю, малышей, из которых, как он думал, мог слепить, что угодно, а Яша уже был под-

ростком, хотя и тихим, покладистым, но со своим мнением. В нем был какой-то внутренний жар. Он мог неожиданно вспылить, взорваться, даже надавать тумаков Василию, когда тот грубил или сквернословил при мне. Да, и в жизни он все решения принимал сам, не советуясь с отцом и не следуя его воле. Сам поступил в институт, работал простым инженером, а потом закончил артиллерийскую академию и в первые же дни войны ушел на фронт простым лейтенантом. Тогда и случилось страшное: Яков попал в плен. С фронта в Кремль прислали листовки, которые немцы сбрасывали с самолетов. От отца долго скрывали, но, видимо, одна из них все же попала к нему. Яков на допросе. Яков с немецкими офицерами, на какой-то поляне. И ужасающий текст.

Из немецкой листовки:

«Это Яков Джугашвили, старший сын Сталина, командир батареи 14-го гаубичного артиллерийского полка 14-й бронетанковой дивизии, который 16 июля сдался в плен под Витебском вместе с тысячами других офицеров и бойцов. По приказу Сталина учат вас Тимошенко и ваши политкомы, что большевики в плен не сдаются. Однако красноармейцы все время переходят к нам. Чтобы запугать вас, комиссары вам лгут, что немцы плохо обращаются с пленными. Собственный сын Сталина доказал своим примером, что это ложь. Он сдался в плен. Потому что всякое сопротивление германской армии отныне бесполезно. Следуйте приме-

ру сына Сталина – он жив, здоров и чувствует себя прекрасно. Зачем вам приносить бесполезные жертвы, идти на верную смерть, когда даже сын вашего верховного заправили уже сдался в плен? Переходите и вы!»

Эту подлинную немецкую листовку с фотографиями мы обнаружили все в том же «Фонде Сталина». Вообще, там было достаточно много документов, связанных с пленением и гибелью Якова Джугашвили. Вообще, там было много документов, которые свидетельствуют об особом отношении Сталина, его окружения, да и последующих правителей, к этому трагическому событию. Вот, например, протокол допроса Якова Джугашвили профессиональным немецким разведчиком капитаном Штрикфельдом, который, судя по всему, пытался завербовать офицера, но безуспешно. Из текста следует, что Джугашвили держался спокойно и с достоинством. Написать письмо отцу отказался. В падение Москвы не верил, хотя немцы уже подходили к столице. Из ответов ясно, что больше всего Якова беспокоило, чтобы отец не поверил в его предательство. Он несколько раз повторил, что не успел застрелиться – захват был слишком стремителен. Настораживает и одна фраза из протокола: «Меня выдали некоторые военнослужащие моей части». Она подтверждает возможность того, что сына Сталина специально заманили в западню, что стало результатом тщательно спланированной операции. Судя по всему, эта тайна навсегда ушла в историю,

но факт в том, что Яков не стал изменником и погиб в концлагере Заксенхаузен. В тамошнем музее хранятся воспоминания узников, которые видели, как он погиб, бросившись на находящиеся под током ограждения из колючей проволоки.

Сталин оказался верен своей формуле: «Нет военнопленных, есть изменники Родины». Известна и еще одна его фраза, касающаяся возможности обмена Якова на фельдмаршала Паулюса: «Я солдат на маршалов не обмениваю».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Несколько раз во время войны и после нее отец заводил разговор о Якове. Никто не начинал эту тему, не задавал вопросов – он сам. Было видно, что ему тяжело, надо как-то выговориться. «Какая тяжелая война, – говорил отец. – Нет ни одной семьи, которая бы не потеряла отца, брата, сына». Может быть, уже после смерти сына он почувствовал к нему какое-то тепло, свою вину за прежнее не очень доброе отношение. Этим, наверное, можно объяснить и его непонятную окружающим заботу о дочери Якова Галине, Гуле, как ее звали в семье. Обычно он был равнодушен к своим внукам. Из восьмерых видел только моих детей и Гулю. Отец даже пожелал, чтобы я присматривала за Гулей. Мне нравилась эта роль шестнадцатилетней тети. А дело в том, что ее мать Юлию Мельцер, последнюю жену Якова, после всего, что произошло, два года держали в тюрьме. Только отец с его подозрительностью мог придумать, что она каким-то об-

разом причастна к пленению сына. И, вообще, мне кажется, что отец напрасно отказался обменять Якова и бросил его на произвол судьбы, а, точнее, на верную гибель. Это было весьма в его характере: отказываться от своих, забывать о них, как будто их и не было.

Семья же продолжала надеяться на чудо. Уже после войны я стала получать странные посылки из-за рубежа. И по всему выходило, что это от Якова. Ходили слухи, что отец его все-таки обменял на какого-то высокого чина и отправил в Америку. Были люди, которые клялись, что видели его в Грузии. В иностранных газетах писали, что будто бы Яков бежал из лагеря, сражался с партизанами, женился на итальянке, от которой у него было двое детей. Еще одна версия, что он бежал в Турцию или Ирак и что Саддам Хусейн его сын. Посмотрите, мол, на его глаза, руки, походку. Он вылитая копия Яшиного отца. Бред всякий».

Конечно, все это легенды и мифы. Никакого подтверждения им в архиве мы не нашли. Документально же венчает судьбу Якова Джугашвили Указ о посмертном награждении его орденом Отечественной войны. Отец все же реабилитировал сына.

Василий

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Грузины всегда очень многого хотят от сыновей. Они хо-

тят, чтобы они повторили их путь, пошли дальше, чтобы ими можно было гордиться. Но, к сожалению, мои братья не проявили себя так, как хотелось бы отцу. Вася с детства часто вызывал его гнев. Помню, как-то за ужином отец пригрозил, что даже выгонит его из дома, если он не возьмется за ум и не наладит учебу. Вася всегда боялся отца. Только он хоть как-то мог привести его в чувство. Ведь после смерти мамы мы были в Зубалово предоставлены сами себе. Весь надзор осуществлял комендант, который следовал отцовским инструкциям и жаловался на нас непосредственно ему. Васю же вконец испортили холуи, окружавшие его. Они и пить научили, чуть ли не с 15 лет.

А уж потом в доме нашем была постоянная толчея. Возле него толпилось много незнакомых летчиков. Все были подбострастны перед молоденьким начальником.

Рядом не было никого из старых друзей, которые были бы ровней ему. В дом приезжали спортсмены, актеры, музыканты. Царил дух какого-то пьяного разгула, которого не было здесь никогда.

Панический страх перед отцом преследовал его всю жизнь. Я помню, когда он уже был генерал-лейтенантом (опять же холуи его произвели, когда ему не было еще и тридцати), весь увешанный орденами (за что?), он при отце даже садился как-то на краешек стула. Его буквально трясло. Если отец спрашивал его о чем-то из области авиации, он никак не мог найти ответа. Начинал метаться. Он пил, ко-

нечно, нервный был. И тогда отец говорил: «Ты что? Пьян? Или ты с похмелья? Что с тобой?» И тогда Василий совершенно не мог с собой совладать. Это было ужасно. Страшно было на него смотреть. И постепенно их отношения пришли к полному разрыву. Никакой родственной близости уже не было».

Это почти все, что рассказала нам Светлана Иосифовна о своем родном брате. Было очевидно, что никаких теплых ностальгических чувств эти воспоминания у нее не вызывали. Несмотря на кровное родство, это были совершенно разные люди. И разошлись они в главном: Светлана всегда старалась сама стать личностью, не использовать данное ее судьбой родство, а Василий только этим и жил. Причем Сталин никогда не способствовал пагубным устремлениям сына. Вот только два документа из кремлевского архива. Один из них датирован июнем 1938 года. Это ответ Сталина на письмо классного руководителя Василия В.В. Мартышина, в котором он писал о грубости, двойках, прогулах недоросля.

«Ваше письмо о художествах Василия Сталина получил. Спасибо за письмо. Отвечаю с большим опозданием ввиду перегруженности работой. Прошу извинения.

Василий – избалованный юноша средних способностей, дикаренок (тип скифа!), не всегда правдив, любит шантажировать слабеньких «руководителей», нередко нахал, со сла-

бой – вернее – неорганизованной волей. Его избаловали всякие «кумы» и «кумушки», то и дело подчеркивающие, что он – «сын Сталина».

Я рад, что в Вашем лице нашелся хоть один уважающий себя преподаватель, который поступает с Василием, как со всеми, и требует от нахала подчинения общему режиму в школе. Василия портят люди-тряпки, которым не место в школе, и если наглец – Василий не успел еще погубить себя, то это потому, что существуют в нашей стране кое-какие преподаватели, которые не дают спуска капризному барчуку.

Мой совет: требовать пострее от Василия и не бояться фальшивых шантажистских угроз капризника насчет «самоубийства». Будете иметь в этом мою поддержку.

К сожалению, сам я не имею возможности возиться с Василием. Но обещаю время от времени брать его за шиворот.

И. Сталин».

Несмотря на столь жесткое внимание со стороны отца, Василий так и не преуспел ни в школе, ни потом в летном училище. В результате войны он начал младшим лейтенантом без диплома, но закончил уже генерал-лейтенантом авиации. Оказалось, что «холуи» и «кумы» сильнее самого Верховного Главнокомандующего, который лично многократно разжаловал сына, увольнял с должностей, сажал на гауптвахту.

«Командующему ВВС Красной Армии маршалу авиации

тов. Новикову А.А.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Немедленно снять с должности командира авиационного полка Сталина Василия Иосифовича и не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения.

2. Полку и бывшему командиру полка полковнику Сталину объявить, что полковник Сталин снимается с должности командира полка за пьянство и разгул и за то, что он портит и развращает полк.

Народный комиссар обороны *И. Сталин*.

26 мая 1943 г.

Исполнение донести».

После такого позора нормальный офицер должен был бы застрелиться или, лишившись всех званий и наград, отправиться в штрафбат искупать его кровью. Однако Василий отделался восьмимесячной ссылкой на собственной даче. И это в самый разгар войны! Утверждают, что его всячески вытягивали наверх Берия и маршал Булганин, люди очень близкие к Сталину. Так или иначе, но он успел еще покомандовать несколькими дивизиями и даже авиакорпусом, собрав за войну целую «коллекцию» боевых орденов и медалей. В ней не хватало только Золотой Звезды Героя.

В личной жизни Василия Сталина тоже царила полная неразбериха. Первый его брак с актрисой Галиной Бурдонской продержался четыре года и кончился полным разры-

вом и скандалом. Потом его женой была дочь маршала Тимошенко, потом знаменитая спортсменка пловчиха Капитолина Васильева. У него были дети, но из всех племянников Светлана выделяла Александра. Александр Васильевич Бурдонский, известный театральный режиссер, несмотря на разницу в возрасте, был близок ей духовно.

Из интервью Александра Бурдонского:

«После развода родителей я на восемь лет был разлучен с мамой, которую очень любил, так как отец отобрал детей себе. Но и с отцом я общался мало. Я был отдан в суворовское училище в другом городе, и он был от меня далеко. Помню, на похороны деда меня привезли из Карелии самолетом в сопровождении какого-то кагэбэшника. Я сидел рядом с отцом в Колонном зале, видел толпы рыдающих людей и смотрел на все это перепуганными глазами. Мне было неловко, что я не плачу. Я ведь с ним ни разу в жизни не встречался. Позже я понял, что из страха никогда не возникает любовь. Власть диктует свои условия. Она отнимает у человека все. Отравляет все, что Бог дал ему хорошее. А дурное – оно не в божеской власти.

Ни от деда, ни от отца я не видел ничего: ни ласки, ни угрозы. Мне было неприятно, когда в школе мне вслед говорили: «Смотрите, внук Сталина!» Мне без конца меняли фамилии. Вначале я был Сталин, как отец. Потом Аллилуев. Потом в суворовском училище я стал Васильевым. А уже

взрослым взял фамилию матери. В моем сердце, душе, в моем мозгу, что ли, конечно, есть обиды и счета свои, которые уже никогда не будут оплачены. Да я и не предъявляю их к оплате...»

После войны Василий продолжал вести все ту же веселую жизнь, но в нее уже вписывались новые нотки.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Вокруг него стали толпиться какие-то темные люди: массажисты, тренеры, спортсмены подбивали его на разные аферы, на махинации с футбольными и хоккейными командами, на строительство за казенный счет каких-то сооружений, бассейнов, дворцов спорта. Он не считался с казной, мог распоряжаться огромными суммами и не знал цены деньгам. Жил он на своей огромной казенной даче, где развел колоссальное хозяйство, псарню, конюшню. Ему все давали, все разрешали. Его военной карьере окончательно наступил конец 1 мая 1952 года. Это был последний первомайский парад отца. С утра погода была нелетной, и командование решило отменить воздушный парад. Однако Василий, игнорируя приказ свыше, приказал поднять самолеты в воздух. Авиация прошла плохо, нестройно, чуть ли не задевая шпили Исторического музея. А на посадке несколько самолетов разбилось. Отец сам подписал приказ о снятии Василия с командования авиацией Московского округа.

После этого Василий окончательно опустился. Он сидел

на даче и пил. В день смерти отца он появился в Кунцеве тоже пьяным. Вел себя безобразно. Истерил, скандалил, обвинял во всем правительство и врачей. Вскоре его арестовали. Всплыли аферы, растраты, злоупотребления властью и служебным положением. Обнаружилось столько обвинений, что хватило бы и на расстрел. Естественно, что все это случилось не вдруг. Хрущев и компания, я думаю, боялись его. Слишком много знал и в пьяном угаре мог наболтать что угодно. Он получил восемь лет. Мы с Капитолиной Васильевой, с которой я дружила, навестили его во владимирской тюрьме. Это было мучительно. Он требовал от нас ходить, звонить, добиваться его освобождения. Метался, не знал, к кому обратиться. Ужасно страдал. Однако мы никуда не ходили и не звонили, зная, что, окажись он на свободе, все опять начнется сначала. Так и случилось, когда после досрочно освобождения он оказался в Москве. Ему вернули все: генеральское звание, пенсию, партбилет, машину, квартиру, дачу. Василию показалось, что он вновь стал тем же, каким был. Скандалил, всех поучал, разоблачал. Я с ним не общалась. Скоро его опять посадили за какое-то происшествие с иностранцами, а потом отправили в Казань, запретив жить в Москве и Грузии. С ним была какая-то неизвестная медсестра Маша. Думаю, что ее приставило КГБ, чтобы поскорее «решить проблему». На последней фотографии, сделанной после его приезда в Казань, Василия не узнать: это был тяжело больной семидесятилетний старик, хотя было ему всего сорок.

Он умер 19 марта 1962 года, сутки не приходя в сознание после очередной попойки с какими-то грузинами. На похороны я не поехала».

Светлана – дочь Иосифа

Уже несколько дней встречались мы со Светланой Иосифовной, проводили вместе по несколько часов, а точнее, как говорят телевизионщики, по целой «съёмочной смене», с перерывами на ленч и вечерний чай. В профессиональном смысле это нельзя было назвать интервью. Это было просто общение людей, в котором она была рассказчицей, а мы заинтересованными и благодарными слушателями. Чувствовалось желание нашей героини высказаться, пережить заново то, что уже давно осталось позади. И видно было, как она страдает... Вспомнился Тузенбах из чеховских «Трёх сестер»: какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение. Вдруг, ни с того ни с сего. Считаешь их пустяками и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться...

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Нигде лучше не поймут меня, чем в России, где было немало «Очарованных странников» и «Очарованных странствий» по дорогам судьбы. Жизнь ткёт свой узор, бросая нас во всевозможные перипетии, а мы, барахтаясь, утопая, пыта-

ясь спасти себя и других, двигаемся куда-то вперед, а может быть, и назад. Воспоминания, как зеркало, отражают то, что было. Менять слова или факты нельзя. Под страхом смерти – НЕЛЬЗЯ!»

Все встречи и беседы происходили по-прежнему в отеле. Видно было, что приглашать к себе Светлана Иосифовна не очень хотела, но потом все же решилась. «Только без оператора», – было условие.

Мы долго ехали на двухэтажном лондонском автобусе из центра города на его северную окраину. Это был ее ежедневный маршрут на «северный полюс», как называла Светлана свой район. Здесь был целый квартал трех- или четырехэтажных серых домов, похожих на наши заводские или студенческие общежития. Консьержка, встретившая у дверей нужной нам секции, тоже была чем-то неуловимым похожа на знаменитых вахтерш общежитий. Настороженностью, пытливым взглядом, быть может. Предупрежденные хозяйкой о недопустимости вступать в какие-то разговоры и отвечать на расспросы, коротко назвали имя: Лана Питерс.

Внутри дом был похож на те, что когда-то строили в Москве и называли «домами гостиничного типа». На каждом этаже был один длинный коридор с одинаковыми дверями по обе стороны. Из одной такой двери и вышла навстречу нам Светлана Иосифовна. Пригласила войти. За дверью – маленькая прихожая, из которой можно попасть в комнату,

кухню и санузел. Все помещения очень небольшие, скромно меблированные. Собственно, это и было общежитие, муниципальный приют для одиноких пожилых пенсионеров. Первое, что спросила хозяйка: не было ли лишних расспросов со стороны консьержки. Ее это очень заботило, потому что в доме никто не знал, кто она, – Лана Питерс, и все.

В комнате были кровать, платяной шкаф, письменный стол, заваленный книгами, кресло. «Живу, как студент, – сказала Светлана Иосифовна, – Отец тоже так всю жизнь жил. Ничего лишнего. Никаких ненужных вещей. У меня, собственно, и нет ничего. После смерти отца осталась большая библиотека, письма, фотографии. Все отобрали. Отдали лишь одно мое детское фото начала тридцатых годов».

А фотография оказалась удивительная: маленькая девочка, а за ней совершенно пустая и какая-то угрюмая Красная площадь, Мавзолей, Кремлевская стена. Когда знаешь, кто эта девочка, то оторопь берет: это как линия судьбы на ладони.

И вот с этого воспоминания об отце, о детской фотографии и продолжился ее рассказ-исповедь, который на этот раз мы вынуждены были снимать на маленькую любительскую камеру. А большая, кстати, да еще с оператором, в этой комнатухе просто не поместились бы.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«После смерти мамы он очень изменился. Я уже говорила,

что это отцу было как нож в спину. Он переехал на свою новую дачу в Кунцево. Жил там бобылем. Так ему нравилось. И работа, работа... Рядом остались только «соратники», члены Политбюро, те, кто поддакивал. А прежде в семье так не было принято. Каждый говорил то, что думал. А теперь уже были одни льстецы и подхалимы. Я была тогда еще девочкой, но уже не могла, как прежде, сидеть за столом, бегать, играть. Я была натянутой и ненужной. И потом чем дальше, тем больше, встреч становилось все меньше.

Почему он стал таким черствым? Я думаю, что это было заложено с детства. Оно было очень тяжелым, нищета жуткая. Прачка мать, сапожник, пьяница отец. Он колотил и его и мать. Потом этот мальчик подрос, начал защищать мать, кидался между ними.

Мой отец рассказывал случай, когда ему было лет десять, он бросил в этого забулдыгу нож. Он убежал после этого. Прятался от отца, боялся, что он его убьет. Скрывался у соседей. Вот такое страшное детство, такие нравы в семье, где все обнажено. По сути дела мать выгнала его из этой жизни. На заработанные крохи отправила учиться в церковную школу.

Ну а потом нет ничего мудреного в том, что из такого детства выходят революционеры, подпольщики, которые борются с такой жизнью. Он обожал мать, всегда был к ней очень привязан. Позже писал ей очень нежные письма. Вы, наверное, видели их в архиве. Они всегда начинались слова-

ми: «Мама – моя...»

Из «Фонда Сталина»:

«16 апреля 1923 года.

Мама – моя!

Здравствуй!

Будь здорова, не допускай к сердцу печаль. Ведь сказано:
«Пока жив – радовать буду свою фиалку, умру – порадуются
черви могильные...»

Твой *Сосо*».

«1 января 1923 года.

Мама – моя!

Здравствуй! Живи десять тысяч лет.

Целую. Твой *Сосо*».

«26 февраля 1923 года.

Мама – моя!

Твои письма получили.

Желаю здоровья, твердости. В ближайшее время увидим-
ся. Живи тысячу лет.

Целую. Привет от Нади.

Твой *Сосо*».

«3 апреля 1924 года.

Здравствуй мама – моя.

Как поживаешь, как чувствуешь себя? Почему нет от тебя письма. Надя шлет привет.

Целую. Твой Сосо».

«25 января 1925 года.

Здравствуй мама – моя!

Знаю, ты обижена на меня, но что поделаешь, уж очень занят и часто писать тебе не могу. День и ночь занят по горло делами и поэтому не радую тебя письмами.

Живи тысячу лет. Твой Сосо».

«25 июня 1925 года.

Привет маме – моей!

Как живешь и здравствуешь? Тысячу лет тебе жизни, бодрости и здоровья. Я пока чувствую себя хорошо.

До свидания. Привет знакомым.

Твой Сосо».

«25 апреля 1929 года.

Здравствуй мама – моя!

Как живешь, как твое самочувствие? Давно от тебя нет писем, – видимо, обижена на меня, но что делать, ей Богу, очень занят.

Присылаю тебе сто пятьдесят рублей – больше не сумел. Если нужны будут деньги, сообщи мне, сколько сумею, пришлю. Привет знакомым.

Надя шлет привет. Живи много лет.

Твой Сосо».

«16 сентября 1930 года.

Здравствуй мама – моя!

Как живешь, как твое здоровье?

Недавно я болел. Теперь чувствую себя хорошо. Надя уехала в Москву. И я в ближайшее время уеду в Москву.

Живи тысячу лет.

Твой Сосо».

«22 декабря 1931 года.

Здравствуй мама – моя!

Письма получил. Хорошо, что не забываешь нас. Я, конечно, виноват перед тобой, что последнее время не писал тебе. Но, что поделаешь, много работы свалилось мне на голову, и не сумел выкроить время для письма.

Береги себя. Если в чем нуждаешься, напиши. Лекарства принимать надо. Будь здорова, бодра!

Я чувствую себя хорошо.

Живи тысячу лет.

Твой Сосо».

«29 сентября 1933 года.

Здравствуй мама – моя!

Как чувствуешь себя, как живешь?

Твое письмо получил. Получил также варенье, чурчхели, инжир. Дети очень обрадовались и шлют тебе благодарность и привет.

Приятно, что чувствуешь себя хорошо, бодро. Я здоров, не беспокойся обо мне. Я свою долю выдержу. Не знаю, нужны ли тебе деньги, или нет...

На всякий случай посылаю тебе пятьсот рублей. Присылаю также фотокарточки – свою и детей.

Будь здорова, мама – моя!

Не теряй бодрости духа!

Целую. Твой сын Сосо.

Дети кланяются тебе. После кончины Нади, конечно, тяжелее моя личная жизнь, но, ничего, мужественный человек должен остаться всегда мужественным».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«В 1934 году меня, Василия и Якова повезли в Тбилиси, чтобы повидаться с бабушкой Екатериной Георгиевной. Я помню, у отца даже была фотография, где мы вчетвером. У бабушки мы провели всего полчаса из недели, которую были в Тбилиси. Она занимала маленькую комнатку с низким потолком и подслеповатым окном на первом этаже какого-то старинного дворца с парком. В углу стояла железная кровать, на которой сидела старая женщина. Она обнимала нас сухими морщинистыми руками, говорила что-то ласковое по-грузински. Яша переводил нам, отвечал ей. Мы с Васей стояли молча. Я запомнила, что глаза у нее были светлые, а голова повязана платком. Но отец говорил, что она была рыжая, что в Грузии считается красивым. Мы остановились в доме

Берии, и его жена Нина пришла с нами к бабушке. Мне показалось, что они ненавидели друг друга. Бабушка все время вытирала глаза, протягивала нам на блюдечке какие-то леденцы. Комната была полна старух в черном, пришедших на нас поглазеть. Они говорили, что я очень похожа на Екатерину Георгиевну. Такие же веснушки, такая же рыжая. В комнате пахло сушеными травами, которые лежали на подоконнике. А по лицу бабушки все текли слезы. Мне тогда и десяти лет еще не было, но до сих пор отчетливо помню каждую деталь. Больше всего удивило, почему он так бедно живет, занимая лишь одну комнатку в этом огромном дворце. А такую страшную железную кровать я видела вообще первый раз в жизни. Мне кажется, что у бабушки были свои принципы. Она прожила строгую, тяжелую жизнь, честную жизнь. Ее твердость, строгость к себе, пуританская мораль перешли к отцу. Больше я бабушку не видела.

Она умерла в 1937 году и была похоронена на Давидовой горе рядом с могилой Грибоедова возле церкви Святого Давида.

Помню, у отца была его фотография с Екатериной Георгиевной. Все отобрали... Спасибо, что вы хоть привезли копии моих детских записочек. У нас такая игра была: отец звал меня «Сетанкой – хозяйкой», а я писала ему «приказы».

«Приказываю тебе разрешить мне провести праздники в «Липках».

«Приказываю тебе позволить мне поехать завтра в Зуба-

ЛОВО».

«Приказываю тебе позволить мне пойти в кино, а ты закажи фильм «Чапаев».

«Приказываю тебе покатать нас на метро».

«Папа! Ввиду того, что сейчас уже мороз, приказываю носить шубу. Сетанка-хозяйка. 15 декабря 1939 года».

«Дорогой мой папочка!

Я опять прибегаю к старому, испытанному способу, пишу тебе послание, а то тебя не дождешься. Можете обедать, пить (не очень), беседовать. Ваш поздний приход, товарищ секретарь, заставляет меня сделать Вам выговор.

В заключение целую папочку крепко-крепко и выражаю желание, чтобы он приходил пораньше.

Сетанка-хозяйка».

«Мой дорогой секретаришка, спешу Вас уведомить, что Ваша хозяйка написала сочинение на «отлично»! Таким образом, первое испытание сдано, завтра сдаю второе. Кушайте и пейте на здоровье. Целую крепко папочку 1000 раз. Секретарям привет.

Хозяйка».

На этих «приказах» резолюции синим «сталинским» карандашом: «Слушаюсь». «Покоряюсь», «Согласен», «Будет исполнено». Невольно вспоминаются тысячи самых разных, подчас страшных, документов, на которых был тот же авто-

граф. Но очевидно, что эта игра была мила Сталину. Она давала ему ощущение невинности и неприязнительности детства, которого сам он был лишен. Иногда он писал маленькой еще Светлане и целые письма. Причем, в 1930-31 годах большими печатными буквами, чтобы дочь могла их прочесть сама.

«Сетанке-хозяйке.

Ты, наверное, забыла папку. Потому-то и не пишешь ему. Как твоё здоровье? Не хвораешь ли? Как проводишь время? Лельку не встречала? Куклы живы? Я думал, что скоро пришлешь приказ, а приказа нет как нет. Нехорошо. Ты обижаешь папку. Ну, целую. Жду твоего письма.

Папка».

«Здравствуй, Сетанка!

Спасибо за подарки. Спасибо также за приказ. Видно, что ты не забыла папку. Если Вася и учитель уедут в Москву, ты оставайся в Сочи и дожидайся меня. Ладно? Ну, целую.

Твой папа».

Рассматривая копии этих писем, которые вернули ее память о детстве, о теплых отношениях, которые только тогда и были у нее с отцом, Светлана Иосифовна припомнила, однако, и не очень приятную для нее историю с фотографией, сохранившейся у нее. Когда-то она послала ее отцу, но полу-

чила обратно со злобным письмом. «У тебя наглое выражение лица, – было написано его синим карандашом. – Раньше была скромность, и это привлекало».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я думаю, что тогда ему почудилась в этом обычном фото какая-то независимость, вызов. Скорее всего, он увидел, что я вырастаю. Исчезает та ласковая покорная девочка, которая была для него отдушиной в окружающем мрачном мире, созданном им самим. Теперь-то я понимаю, что родилась и выросла в семье, где все было ненормальным, угнетающим. И самым мрачным символом безысходности было самоубийство мамы. Когда мне было, наверное, уже лет двадцать, отец вдруг стал говорить о моей маме, как она умерла. Незадолго перед этим я увидела на его письменном столе мамину фотографию и пачку ее писем к нему. Отец их перечитывал, чего раньше не было. Я очень боялась этих разговоров. Я жила с этой болью. Мы привыкли считать его сильным. И, когда я чувствовала, что он хочет сказать мне что-то личное, я пугалась и всячески уходила от этих разговоров. Просто убегала. Наверное, этим я тоже отдала его от себя... Сейчас я очень жалею, что никогда так с ним и не поговорила о жизни вообще.

Оглядываясь назад, я вижу отца как бы со стороны: опустошенный, одинокий человек, оставшийся без старых друзей, родственников, отгородившийся от мира. Ему было бес-

конечно трудно. Конечно, он был политическим деятелем до мозга костей. Янисколько не сомневаюсь – одним из крупнейших лидеров XX века. Как Рузвельт, как Черчилль, как де Голль. Делать из него ничтожного злобного неврастеника, как сейчас это делают, это бред. Но история еще скажет свое слово.

Политические лидеры никогда не могут всем угодить. Я за границей живу уже несколько десятилетий. В Англии кто-то ругает Черчилля, а кто-то обожает. Так же в Америке Рузвельта – кто возносит, а кто считает чуть ли не криминалом. То же во Франции с де Голлем. Это судьба политического деятеля. Так что для меня не имеет значения, кто как его называет. Да говорите что угодно. Меня это не трогает. «Психология преступника», – ругает кто-то, а рядом кто-то безмерно хвалит. Мне нужно сохранить свое собственное мнение. Мы в семье знали его таким, каким мало кто его знал.

Конечно, он был диктатором. Да, и де Голль был диктатором, Троцкий был диктатором военным, и Мао, и Кастро... Как в то время можно было без диктатуры, да еще в такой огромной стране?

И, безусловно, он был человек военный. Я думаю, для моего отца было легче в годы войны. Он был талантливым организатором. Умел найти умных людей, собрать их. Он каждого знал. Знал, что человек делает, что от него можно получить. Четыре года войны были его расцветом. Работал он сутками. Я не знаю, когда отец спал, потому что все время

были телефонные звонки, донесения, доклады, бесконечные совещания, разборы операций, их планирование...

А когда война кончилась, он заболел. У него сразу после сильнейшего нервного и умственного напряжения наступил спад. Ему было 56 лет, когда война кончилась, и в 1946 году он очень болел. Мне, конечно, ни слова не сказали, скрывали. Великая тайна даже от меня. Непонятно почему. Я от Ждановых узнала. Все думали, что отец умрет, а Жданов его заменит. Жданов боялся этого как огня. У него было большое сердце. Он молился, чтобы отец выжил.

Еще помню, что в 1942 году в Москву приезжал Черчилль. В один из дней мне велели быть к обеду дома. Отец захотел представить меня Черчиллю. Мне очень хотелось поговорить с ним по-английски. Я прилично знала язык, но была достаточно робкой. Так и не решилась. Еще я не знала, понравится ли это отцу. А он был с гостем чрезвычайно радушен и гостеприимен. Такое расположение духа очаровывало всех. Он сказал: «Это моя дочь». Потрепал меня по голове и добавил: «Рыжая». Уинстон Черчилль заулыбался и сказал, что в детстве тоже был рыжим, а теперь вот – он ткнул сигарой в свою облысевшую голову. Потом сказал, что его дочь служит в Королевских военно-воздушных силах. Со мной было покончено. Разговор пошел о самолетах, пушках и прочих военных делах. Мне дали долго слушать. Отец поцеловал меня и сказал, что могу идти заниматься своими делами.

Почему ему захотелось показать меня Черчиллю? Теперь я понимаю, что ему хотелось выглядеть обыкновенным человеком. Черчилль был ему симпатичен. Я это заметила.

А после войны начались темные годы: «холодная война». Опять новая волна доносов, арестов, посадок. Я жду и очень надеюсь, что Правительство российское, как вы его теперь называете, выйдет с какой-то объективной оценкой истории. Объяснят роль Берии и всего Политбюро. Все несут ответственность. Почему один Сталин? Другие куда смотрели? Нельзя все валить на одного. Он же был не царь и не король. Надо разделить эту вину. А диктатором? Да, он был военным диктатором.

Я как-то никогда не считала, что, ах, я дочь Сталина. Отец меня учил: ты не член правительства, не имеешь никакого отношения ко всему этому: «Ты не захотела жить со мной в Кремле – тебе дали квартиру (это в «Доме на набережной», как тогда говорили, хорошую квартиру, я ее очень любила и прожила там 14 лет). Вот тебе деньги – купи себе машину, получи права, води ее, как все, сама. Сама оплачивай свои обеды и ужины, плати за квартиру. Вообще, не помещай себя на иждивение правительства». Все это было вложено в голову.

Когда в 1947 году было отменено бесплатное содержание членов Политбюро, отец, как все стал получать зарплату. В наши редкие встречи он спрашивал: «Светлана, тебе нужны деньги?» Я всегда говорила, что нет. «Врешь ведь. Сколько

тебе нужно»? Я не знала, что сказать, а он не представлял счета современным деньгам, а тем более размеров цен. Он жил дореволюционными представлениями. Считал, что сто рублей – колоссальная сумма. Даст две, иногда три тысячи. Я никогда не знала, на месяц это, на две недели или на полгода. Он считал, что дает миллион. Как-то прислал два конверта своей зарплаты. Для меня и Капитолины, жены Василия. Капа говорит мне: «Светка, я тебя всю жизнь помню в ситцевых платьях. Давай закажем каракулевые шубы». Уговорила меня. И я никогда не жалела об этом. Самой мне бы это не пришло в голову. Вот такое воспитание.

Я уже говорила, что после войны отец долго болел. Я до сих пор не знаю, что с ним было. У него всегда был плохой желудок, нарушения пищеварения. Сказались, видимо, тяжелое детство и молодость ссыльного революционера-подпольщика. Высокое давление. А вот сердце было хорошее. Но после многолетних стрессов организм стал разваливаться.

В день, когда с отцом случился удар, у меня было какое-то странное предчувствие. Я все время рвалась поехать к нему на Кунцевскую дачу. Хотела его увидеть, сердце было беспокойно. Но ведь нельзя было сесть в машину и поехать. Нужно было через охрану договариваться по телефону. Мне отвечали: «Сейчас не звоните». Вот так с дочерью разговаривали. Я не имела возможности соединиться с ним и по прямому проводу. Трубку все равно снимали «они». Так я промучи-

лась до самого вечера. В совершенном изнеможении поехала к Шверникам. От них вновь звоню по «прямому». Опять: «Нет. Нельзя». Потом-то я поняла, что с ним уже было плохо и там была полная кутерьма. Я так рыдала. Не могла остановиться. Видите, я и сейчас плачу. Это он меня звал. Молча. Потому что только меня и любил. Больше некого было. Кроме меня у него никого уже не было. Они так и не дали мне приехать.

Люся Шверник, с которой я очень дружила, позвала меня посмотреть кино, там же на их даче. Почему-то в этот вечер у них показывали старый немой еще фильм «Станционный смотритель» с Москвиным в главной роли. Помните эту историю: единственная дочка старика-смотрителя сбежала с каким-то гусаром, а он идет ее искать в метельном поле и замерзает. Потом в конце фильма эта Маша приезжает, находит могилку и рыдает на ней. В этом месте со мной буквально случилась истерика. Меня все утешали, просили остаться, но я ночью решила уехать домой.

«Воспоминанья слишком давят плечи, как будто это было не со мной...» – писала моя любимая Марина Цветаева.

Наутро пошла в свою Академию. Сидела на уроке французского, а меня вдруг вызывают и везут туда, на дачу. Пока ехали, я решила, что уже все, что он уже умер. Но оказалось, что еще жив, и еще три дня был жив. Но, конечно, разговаривать уже было невозможно: отец был без сознания... Я сидела около него, держала его руку, поцеловала ее. Говорят,

что в таком состоянии люди слышат.

Может быть, он и слышал, что я ему шептала. Но у меня не было такого чувства, что он хочет мне что-то сказать.

И все эти «единомышленники» как коршуны столпились вокруг. Я не видела на их лицах ни сострадания, ни скорби. У них в головах было одно: есть ли завещание о преемнике, кто сядет в его кресло? Больше всех суетился Берия. Этот крик: «Хрусталеv, машину!» – я и сейчас слышу. Он дважды уезжал в Москву, постоянно что-то шептал на ухо Маленкову, Хрущеву, убегал куда-то. Нашел ключи от личного сейфа отца. Помчался вытаскивать все оттуда. Мне говорили, что там была заветная тетрадь в черном коленкоровом переплете – что-то вроде личного дневника. Он записывал туда заметки, наблюдения, характеристики людей, его окружавших, и, наверное, что-то личное, потаенное. Эти люди многое бы дали, чтобы заглянуть в тетрадь. Вот за ней Берия и помчался. Этот дневник так и исчез. Его не видел никто и никогда.

Берия и врачам не давал выполнять свою работу. Все время твердил: «Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина!» У медперсонала руки дрожали. Кстати, многих из медиков, что крутились у постели умирающего отца, я раньше никогда не видела. У меня не было сил протестовать. Да и что я могла? Разве меня кто-нибудь о чем-нибудь спрашивал?

Потом мне одна служанка рассказала, что, когда отца нашли лежащим на полу без сознания и уложили на диван, охрана позвонила Берии. Вместе с ним примчались и другие.

Этот мерзавец кричал: «Уйдите все отсюда! Разве вы не видите, что товарищ Сталин спит». 16 часов он пролежал без медицинской помощи. Врачей не вызывали.

Вспоминаю сейчас Валечку Истомину – экономку отца. Она с рыданиями бросилась мне на шею, едва я переступила порог дома. Она первая и сказала мне, что у отца удар и сейчас он лежит без сознания, но еще жив. Валечка проработала на Кунцевской даче не один десяток лет. Да и куда бы отец ни выезжал, она всегда была с ним. Я думаю, что она была для него всем. 17-летней девушкой она приехала из глухой деревни в Москву к брату, который служил в кремлевской охране. Он и сумел как-то пристроить ее на Кунцевскую дачу подавальщицей. Я всегда поражалась ее поразительному умению вести себя, ее врожденному такту, выдержанности, женскому уму и чутью. Веселая, со звенящим голоском, румянощекая, голубоглазая блондинка с хорошей фигурой – она не могла не нравиться. Но она всегда держала себя строго. Никто из отцовского окружения не смел к ней приблизиться. Она и жила на даче, чтобы всегда быть под рукой. У нее была своя комната. Ее настоящее имя Варвара, но брат решил, что лучше быть Валечкой. В отделе кадров переписали документы. Был у нее муж, который тоже служил в охране. Родила сына. Злые языки шептали по углам, что он «от Хозяина». После смерти отца я встречалась с ней несколько раз. Она много знала и немало рассказывала мне. Однако умела держать язык за зубами. Никто так и не сумел ее

«расколоть». Унесла все в могилу.

Я, окаменев, сидела около отца, не выпускала его руку. Вдруг услышала пьяный крик: «Сволочи! Загубили отца!» Это приехал Василий. Мы никогда не были близки, но тогда он был единственной родной душой. Отцу сделали какой-то сильный укол. Тело его вздрогнуло.

Потом была страшная агония. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто столпился у одра. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью. Взгляд этот обошел всех в какие-то секунды. Вдруг он поднял левую руку, которая двигалась, и не то указал куда-то вверх, не то погрозил всем нам. Жест был непонятен, но угрожающ. Не известно, к кому или к чему он относился. В следующее мгновение душа его отлетела...

Все его соратники тут же кинулись к выходу, расселись по машинам и укатили в Москву.

Проститься с отцом стала собираться прислуга. Вот где было истинное чувство. Все они молча входили, молча стояли у постели и плакали. Многие навзрыд. А я из себя не могла выдавить ни слезинки.

Пришла проститься и Валечка Истомина. Она грохнулась на колени у дивана, упала головой на грудь покойнику и зарыдала, что-то причитая так, как это делают в русских деревнях. Она долго не могла прийти в себя, и никто ее не трогал. Все, кто служил у отца, любили его. Он не был привередлив

в быту, прост и приветлив. Если о чем-то просили его, он помогал. Эти люди не предали его. Они были искренни в своем горе. А Валечка мне говорила, что она не встречала человека лучше, чем мой отец.

Меня заколотила нервная дрожь, когда приехали забирать тело. Уже на носилках я впервые увидела отца нагим. Красивое тело, совсем не стариковское. Меня кольнула ножом в сердце боль. Я ощутила и поняла, что значит быть «плоть от плоти». Человек, давший мне жизнь, ушел, а я осталась и буду жить. Всего этого нельзя понять, пока не увидишь смерть родителя.

Тело увезли. Все вышли, сняли шапки. Меня кто-то обнял за плечи. Это был Булганин. Я упала ему на грудь и наконец-то разрыдалась...

Мне позвонила Валечка и сказала, что на второй день после смерти отца, когда даже еще не было похорон, по распоряжению Берии собрали всю прислугу, охрану и объявили, что все вещи должны быть немедленно собраны и вывезены. Все должны покинуть дачу. Люди, прослужившие здесь по 10–20 лет, были выброшены на улицу. Им никто ничего даже не объяснил...

Из интервью с академиком Сергеем Сергеевичем Дебовым, которому было поручено вскрытие и бальзамирование тела Сталина:

«Когда я приехал по срочному вызову, тело Сталина уже

было доставлено в лабораторию. По иронии судьбы наш институт, который занимался проблемами сохранения тела Ленина в Мавзолее, находился прямо напротив особняка Берии, на противоположной стороне Садового кольца, рядом с Планетариумом. Я впервые увидел Сталина. Впечатление было тяжелое. Он лежал обнаженный на операционном столе. Олицетворял бога, а тут мертвый.

Работу начали около часа ночи шестого марта, а закончили к утру. Был приглашен скульптор Манизер. Он сделал помертвевшую маску и слепки рук. Не знаю, где это теперь. Нервировала обстановка: хоть мертвый, а вождь. И охраны было видимо-невидимо. Взять скальпель и сделать первый надрез было страшно. Собрались светила медицины. Первый разрез не решался сделать никто. Наконец, директор лаборатории академик Мордашов скомандовал: «Начинайте!» Старший научный сотрудник Кузнецов сделал первый разрез: вскрыл грудь. Ну а дальше пошла работа.

Никаких следов отравления, яда не было обнаружено. Обширнейшее кровоизлияние в мозг. Помощь ему действительно оказали слишком поздно. Единственное, чему подивились, – это сросшиеся третий и четвертый пальцы на левой ноге и совершенно стертые ступни ног, оттого что большую часть жизни проходил в сапогах.

Перед тем, как положить забальзамированное тело в гроб, нужно было его одеть.

Какой-то генерал поехал на Кунцевскую дачу за вещами.

Привез китель, который он носил, не новый, привез ботинки. Когда я их увидел, то спросил у военного, адъютанта видимо, почему у Сталина старые стоптанные ботинки. «У него других не было. Он в этих всегда ходил», – был ответ. Ну а дальше положили в гроб и увезли в Колонный зал».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«В дни перед похоронами я долгие часы стояла у гроба и смотрела на людей, проходивших через Колонный зал. Они вели себя по-разному. Кто нес цветы, кто смотрел с любопытством, очень многие плакали. Мне было страшно оттого, что мои собственные чувства были противоречивы: я одновременно испытывала боль и облегчение, ругала себя, что я плохая дочь. Почему-то подумала, что, если бы я родилась в лачуге безвестного грузинского сапожника, как легко и естественно было мне, вместе с другими, ненавидеть того далекого тирана, его партию, его дела и слова. Разве не ясно, где черное, а где белое? Но я родилась его дочерью. В детстве любимой... Странная мысль... В момент последнего прощания, когда следовало поцеловать лоб покойного и все вокруг смотрели на меня и ждали этого, я так и не смогла сделать это. Опять пришел тот детский ужас, испытанный мной на похоронах мамы...

Я ни разу не была в Мавзолее, когда отец там лежал, ни разу не была и потом на его могиле у Кремлевской стены. Мне кажется, что его там нет. Я не чувствую его присутствия.

Мечтаю, пока я жива, перенести его прах в Гори и матушки его, Екатерины Георгиевны. Все-таки это его родина, родной город. Это был бы лучший вариант. В Гори чудное кладбище, дивное, на холме. Земля такая сухая, горы кругом, изумительная река. Вид совершенно потрясающий.

Я верю в загробную жизнь. Я верю, что все, кто от нас ушел, кто нас любил, следят за нами, знают, как мы живем, что делаем. Я не чувствую его недовольства мной из-за того, что я уехала. Я как-то ощущаю его любовь, мамину любовь, всех моих дорогих тетюшек и дядюшек, дедушки, бабушек. Кажется, все они меня поняли и простили. Вот если бы я это сделала еще при жизни отца, тогда другое дело...»

Расставаясь с нами в тот день, Светлана Иосифовна просила передать ее письмо тогдашнему руководителю Грузии Э.А. Шеварднадзе с просьбой о перезахоронении отца из Москвы в Гори. Она просила с письмом не тянуть. «Боюсь, что они сами могут это сделать втихаря, как воры. Шеварднадзе может все устроить по-другому, если захочет».

Это послание мы передали, что называется, «в белые руки». Он ответил, что готов всячески содействовать и помочь. Однако без решения российского правительства это невозможно. Мы говорили с В.С. Черномырдиным, в то время российским премьером, он – с Ельциным. Ответ был следующий: «Нам сначала с Лениным надо разобраться, а уж потом будем решать проблему перезахоронения Сталина». Как видим, не разобрались до сих пор...

Глава вторая. «На свете счастья нет, но есть покой и воля...»

В поисках себя

На следующий день мы вновь встретились в отеле. Начался разговор с благодарности Светланы за традиционные русские «гостинцы», бутылку водки и баночку черной икры, которые мы привезли ей из Москвы. «Сберегу все это до встречи с моей «американской» дочкой Олей. Сложилось так, что она в Штатах, а я здесь. Пока денег на дорогу нет ни у нее, ни у меня. Поднакопим, может быть».

С таких вот бытовых деталей и начался наш разговор, а вернее, уже не обращая внимания на камеру, Светлана Иосифовна продолжила свою «исповедь».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Нас с детства учили, что мы хозяева своей судьбы. Живем, как хотим, как думаем. Да, ничего так не идет, как планируешь. Ни для кого: ни для простых людей, ни для крупных политиков. А уж у членов их семей судьбы, вообще, ужасные. Ты себе не принадлежишь и ничего не можешь с этим поделать. Это надо принять, как крест какой-то. Не рыпаться особенно. А вот мировоззрение мое менялось – с

детства и по сей день. Мы были пионерами, мы были комсомольцами. Когда я училась в университете, меня все время тащили в партию. Я упиралась. К этому времени мы уже прошли все курсы марксизма-ленинизма и понимали что-то по-чужому. Очень скептически ко всему относились. Вам это может показаться странным, но так было. Я долго отговаривалась. Мол, я еще не готова, еще не могу, это очень ответственный шаг и т. п. Но, видимо, райком очень нажимал, и меня буквально втолкнули в 49-м в кандидаты, а через год и в члены партии. Ну и сидела я на этих партсобраниях, как все.

Я занималась новой историей. Так настоял отец, а я не смела перечить. Пошла на исторический факультет, а сама мечтала о филфаке. Мое собственное желание – западная филология. Языки – английский, французский, испанский. Очень любила Испанию. После окончания университета в школе преподавать я не хотела и быстро переключилась на литературу. Это уже в Академии общественных наук. Религия меня тогда еще не интересовала. Уже в 60-х годах я к этому пришла.

Бывают удивительные вещи в жизни. Начинаешь верить в Книгу Судеб, в которой все про тебя написано. Посещали меня и мысли о самоубийстве. Я вспоминала о маме и страшилась сама себя. Как-то один из моих друзей позвал меня с собой в церковь. В результате я стала постоянной прихожанкой. Меня крестили. Вдруг открылся огромный мир. Это был важный шаг. Я все время исповедовалась у священни-

ка, которому бесконечно доверяла. Мне кажется, что он жалел меня. Как-то батюшка сказал мне: «Ты все спешишь, и от этого все твои беды. Вот подожди – явится принц заморский...» А ведь провидцем оказался!

Даже учась в университете, я не могла избавиться от чекиста, который всегда маячил у меня за спиной. Мне было стыдно перед однокурсниками. Я умоляла отца, чтобы он избавил меня от него. «Ну что же, – сказал отец, – черт с тобой! Пускай тебя убьют». Сказал, конечно, полусмеясь, но слежка прекратилась.

После смерти отца всем родственникам дали пенсию. Получила ее я и мои дети, а вместе с пенсией и кое-какие привилегии. Но тогда я уже не жила среди кремлевской элиты. Я жила вне их. Сама по себе. Я увлекалась искусством, живописью, музыкой, литературой, особенно поэзией. И друзьями моими были замечательные актеры, киношники, режиссеры, писатели, критики, поэты, художники. Эти люди – мои вторые университеты: Алексей Каплер, Роман Кармен, Фаина Георгиевна Раневская, Сергей Аполлинариевич Герасимов с Макаровой, Лепешинская, Мессерер, Давид Самойлов, Константин Симонов. И потом эти замечательные женщины, мои тетушки, вернувшиеся из лагерей, ссылок и тюрем.

Все они были очень милы и добры ко мне. Никто не думал, что раз я дочь Сталина, то прочь от нее. Никто меня не обвинял в том, что я имела какое-то отношение к политике.

Я написала письмо Маленкову. Он был тогда Председа-

лем Совета Министров СССР. У меня это письмо сохранилось. Вот его текст:

«Приношу глубокую благодарность Правительству и лично Вам за внимание и за участие к моим детям и ко мне в это тяжелое для нас время. Вместе с тем, считаю своим долгом отказаться от некоторых предоставленных моей семье прав, как от излишних, пользоваться которыми я не считаю для себя возможным:

1. От закрепления дачи «Волынское» с обслуживанием.

2. От временного денежного довольствия в размере 4 тысяч рублей в месяц.

Вместо закрепления за моей семьей дачи «Волынское» прошу Вашего разрешения о предоставлении мне права снимать на летние периоды две-три комнаты в дачном поселке СМ СССР «Жуковка» по Рублево-Успенскому шоссе за отдельную плату.

Еще раз приношу благодарность.

С уважением С. Сталина».

Кремлевская элита восприняла это письмо как вызов, как оскорбление, как упрек другим. Меня вызывали в разные кабинеты, втолковывали, чтобы я помнила, чья я дочь, и что мне положено то, что я должна получать. Я не хотела быть на глазах у этих людей, а меня упорно толкали в их круг.

Я даже решила сменить фамилию. Я и раньше заикалась

отцу, что хочу взять фамилию мамы. Что Сталин – это его псевдоним, ко мне не имеющий отношения. По-настоящему мы с Василием, как и Яша, должны быть Джугашвили. Отец промолчал. Я поняла, что он обиделся. В 1957 году я все-таки сменила фамилию на Аллилуеву. Василий презирал меня за это и сказал, что не простит. Он был и остался Сталиным.

Но, конечно же, обычной жизни обычного человека у меня никогда не было и не будет. На роду написано. От своих родителей я никогда не откажусь. Так что это такая судьба моя. Надо нести свой крест. Я всегда жила просто. Не выпендривалась, не вылезала, не принимала участия ни в каких политических обсуждениях. Какие-то ангелы-хранители держали меня на своих крылах. Надо прожить свою судьбу, испить свою чашу до дна, оставаться честной, не лгать самой себе».

Из интервью Александра Бурдонского:

«Она очень способный, даже талантливый человек. А потом у нее всегда был какой-то особый шарм. В детстве мы с мамой часто приезжали к Светлане. Это были светлые моменты. Мне очень нравилось у нее. Вы знаете, даже сейчас попадая в какую-то квартиру, я вдруг ощущаю неуловимую схожесть с домом Светланы. Даже запах, тонкий аромат ее духов. Со мной там совершенно по-другому говорили. Нравилась мне сама атмосфера, множество книг, фотографий известных людей, звучащая где-то музыка. Это был мир, ин-

терес к которому вошел в меня с детства.

Мне кажется, что этот человек несправедливо скручен спиралью судьбы. Ее внутренний разлад закончится только с уходом ее из жизни. Если она это понимает, то дай бог, если нет, то, значит, еще продолжает бороться, надеяться на что-то лучшее...».

«Была без радости любовь, разлука стала без печали...»

С каждым новым днем, проведенным в разговорах со Светланой Иосифовной, мы поневоле все глубже вторгались в ее полную трагизма судьбу, и не было ответа на вопрос: кто ведет нас по жизни, кто поднимает на вершину и бросает в бездну? Провидение или наши собственные страсти и амбиции? Зачем были эти страдания? Зачем она обидела столько людей, и они ее не простили? И тоже обижали, и не простила она? Все было. Не было лишь одного – сил остановиться...

Конечно, всегда она жила страстями. Но никто и никогда не узнает истинную историю скромной рыжеволосой девочки, воспитанной в занятиях и работе в ее советском заочении. Будучи в центре всеобщего нездорового интереса, Светлана научилась быть осторожной, немногословной во всем, что касается ее личной жизни. Наши беседы не стали исключением. Ее романы, любовные переживания, заму-

жества неизменно выводились за рамки общения. Мы получали бесцветные односложные ответы, лишь иногда дополненные каким-то эмоциональным замечанием или характеристикой. Так что нам придется самим выстроить эту историю.

Приступая к этой теме, невозможно не вспомнить о том, что в Светлане слились цыганская и грузинская крови. Ее бабушка и мама выходили замуж в 16 лет. Еще в школе кремлевская затворница тоже начала терзаться влюбленностями. Поговаривали, что она увлеклась сыном Лаврентия Берии красавцем Серго. Но он уехал из Москвы, и как-то само собой все забылось.

Осенью 1942 года брат Василий, находящийся в то время в очередной отставке и пребывающий по этому поводу в бесконечном загуле, задумал фильм о летчиках и решил сам его консультировать. В ту пору в Зубалове, где на дачных вечеринках гремела музыка, рекой лилось вино и почитали за честь присутствовать знаменитости, стали появляться и киношники. Здесь Светлана впервые увидела сорокалетнего и уже очень известного кинорежиссера Алексея Каплера. Прославился он и своими бесконечными романами с московскими красавицами. В тот вечер среди роскошных, нарядно одетых женщин Светлана чувствовала себя забытой сироткой. В скромном мосшвеевском платье она сидела в углу и молча перебирала пластинки. И вдруг ее пригласил на танец Каплер. Похвалил, как хорошо и легко она танцует. И пошло-

поехало.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я разговаривала с ним, как на исповеди. Все лилось из сердца. Встречались каждый день, ходили на выставки, в театры, на просмотры фильмов, в рестораны. Он был для меня такой замечательный открыватель искусства. Все время были на людях, на виду. За мной, конечно, ходил чекист. И донесли отцу в таком, вы знаете их манеры, вульгарном тоне. И несчастный Алексей Яковлевич, который не причинил мне никакого зла, пострадал. Его отправили на десять лет в лагеря, как шпиона. Хорошо еще, не расстреляли...».

Светлана начала учиться в университете, была даже сталинской стипендиаткой, но науки не очень увлекали ее, тем более что все давалось легко. Она по-прежнему увлекалась, влюблялась, мечтала о несбыточном счастье. По-прежнему бывала на развеселой даче у брата Василия. Там она познакомилась с Григорием Морозовым. Молодой человек был образован, хорошо воспитан, обаятелен. Учился в Институте международных отношений. Вскоре вспыхнул роман.

Он развивался, как всегда у Светланы, стремительно. Решили пожениться. Но как испросить благословения отца? Он ведь наверняка еще помнил историю с Каплером. Но, к ее великой радости, это известие он встретил равнодушно.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Значит, замуж хочешь? – спросил отец, – Да, весна. Черт с тобой! Делай, что хочешь». Для меня в этой фразе было очень много. Это значило, что он не будет препятствовать. Мы зажили безбедно, имели возможность спокойно учиться. Правда, отец категорически заявил, что видеть моего мужа не желает: «Все на фронте, а он в тылу окопался...» Я уехала из Кремля, получив квартиру. Родился сын Иосиф...

Я снова увидела отца лишь в августе 45-го, когда он вернулся с Потсдамской конференции. Я помню, что в тот день, когда я была у него, пришли обычные его посетители и сказали, что американцы сбросили на Японию атомную бомбу. Все были заняты этим сообщением, и отец не особенно со мной разговаривал. А у меня были такие важные для него новости: родился сын! Ему уже три месяца, назвали в честь деда, Иосиф. Какие это были мелочи на фоне мировых событий. Никому до меня не было дела...»

Меж тем отношения в молодой семье стали стремительно рассыпаться. Светлане все чаще приходили на память слова отца о том, что муж ее отнюдь не бескорыстен. Когда-то это подозрение больно ранило ее, но постоянно трущиеся в их доме многочисленные родственники Морозова с вечными просьбами и жалобами на жизнь, открывали глаза. Весной 47-го последовал развод. Отец никогда этого не требовал, но был доволен. Василий быстренько съездил в загс и

вернулся с чистым паспортом. Все же однажды Сталин попенял дочери...

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Сионисты подбросили тебе твоего муженька, – сказал как-то отец в момент желчного настроения. – Ты понимаешь, сионизмом заражено все старшее поколение, а они и молодежь учат». И мне вспомнились две оплеухи от отца, полученные за Люсю Каплера. Ему никогда не нравилось мое божественное и часто еврейское окружение.

Годы после развода были очень тоскливыми. Жила я совсем изолированно. Ходила в университет, на концерты. Ося рос на даче эдаким деревенским дикарем. Его я видела редко. Знакомых – немного, а их круг расширить было невозможно. Я жила под постоянным надзором. Единственной отдушиной в то время был дом Ждановых, где я стала часто бывать после смерти Андрея Андреевича. У его сына Юрия по воскресеньям собиралась молодежь, мои университетские друзья. Там было очень вольно. Настоящий оазис по сравнению с моей унылой крепостью. К тому же я знала, что отец любил Жданова, уважал его сына и всегда хотел, чтобы наши семьи породнились».

Вот так подошло дело и к новому браку. Светлана влюбилась в Юрия, который и вправду был незаурядным молодым человеком, талантливым ученым, прекрасно образованным и воспитанным. В сердце Светланы вновь забились жизнь, а

для нее жизнь сердца была главным. Отсутствие любви не могли восполнить ни успехи, ни дети и тихие семейные радости. Вскоре после женитьбы Светлана с маленьким сыном вновь оказались в Кремле, в квартире Ждановых. Правда, очень скоро дом, который прежде казался ей таким привлекательным, совершенно преобразился в повседневной жизни.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«В доме, куда я попала, я столкнулась с сочетанием показной, формальной, ханжеской «партийности» с самым махровым «бабским мещанством», как говорил об этом отец. Сундуки, наполненные разным добром, безвкусная остановка, какие-то вазочки, салфеточки, копеечные натюрморты. А ведь это был дом Жданова, который в Политбюро ведал вопросами культуры, искусства, литературы. Именно с его подачи начались гонения на писателей Зощенко, Бабеля, Ахматову, Есенина, Цветаеву, композиторов Шостаковича, Мурадели, многих знаменитых художников, кинематографистов.

Царствовала в доме вдова Андрея Андреевича Зинаида Александровна. Именно она соединяла в себе «партийное ханжество» и мещанское невежество. «Там слишком много баб. Они тебя съедят», – говорил мне отец, который не выносил Зинаиду Александровну и ее сестер. Он оказался прав. У нас перестали бывать друзья, а Юра весь ушел в работу. Я его практически не видела. Сидела одна. Он не обращал

на меня внимания. Ко всему прочему он оказался типичным «маменькиным сынком», который во всем полагался на вкусы и суждения матери.

К тому же я очень тяжело болела, с трудом выносила и родила Катю недоношенной. В роддоме в одной палате со мной лежала Светлана Молотова. Как это принято у нормальных людей, ее навещал Вячеслав Михайлович. Я же отца не видела и не слышала.

Меня это так задело, что я написала ему письмо, полное обиды. Он ответил. Кстати это было его последнее письмо ко мне. Необычайно теплое.

Это было в мае 1950 года. Я запомнила одну смешную фразу: «Береги дочь. Государству нужны люди, даже преждевременно родившиеся».

В общем, опять «была без радости любовь, разлука стала без печали».

В «Фонде Сталина» нашлось письмо Светланы к отцу, датированное февралем 1952 года. Оно объясняет многое из ее жизни в то время.

«Дорогой папочка! Мне очень хочется тебя видеть, чтобы поставить тебя в известность о том, как я живу сейчас. Мне хочется тебе самой все рассказать с глаза на глаз. Я пыталась, было несколько раз, но не хотела приставать к тебе, когда ты был нездоров, а также сильно занят.

Прежде всего я очень довольна занятиями в Академии общественных наук, там у меня дела идут неплохо, и, кажется, мною там тоже довольны. Это большая радость для меня, потому что при всех моих домашних неурядицах занятия любимым и интересным делом заслоняют собой все остальное. Что касается Юрия Андреевича Жданова, то мы с ним еще накануне Нового года решили окончательно расстаться. Это было вполне закономерным завершением после того, как мы почти полгода были друг другу ни муж, ни жена, а неизвестно кто, после того, как он вполне ясно доказал – не словами, а на деле, – что я ему ничуть не дорога и не нужна, и после того, как он мне повторил, чтобы я оставила ему дочку. Нет уж, довольно с меня этого сушеного профессора, бессердечного «эрудита», пусть закопается с головой в свои книжки, а семья и жена ему вообще не нужны, ему их вполне заменяют многочисленные родственники.

Словом, я ничуть не жалею, что мы расстались, а жаль мне только, что впустую много хороших чувств было потрачено на него, на эту ледяную стенку!

В результате этого события возникли некоторые вопросы чисто материального характера, о которых мне хочется с тобой посоветоваться, потому что больше мне ждать помощи неоткуда (на великодушии Юрия Андреевича держаться неприятно), а у меня все-таки двое детей, сынишка осенью уже в школу пойдет, да еще моя няня старая живет у меня (она теперь на пенсии).

Деньги у меня сейчас есть – еще те, что ты прислал, – так что дело не только в этом. О разных прочих местах, которые тут происходили, я тебе расскажу тоже, они не имеют особого значения.

Так что, папочка, я все-таки очень надеюсь тебя увидеть, и ты, пожалуйста, на меня не сердись, что я тебя оповещаю о событиях *post factum*, ты ведь был в курсе дел и раньше.

Целую тебя крепко-крепко.

Твоя беспокойная дочь».

Через несколько лет последовало очередное замужество. На этот раз с сыном близких к семье Сталина людей – Ваню Сванидзе. Его родители Александр (родной брат первой жены Сталина) и Мария Сванидзе были по ложному доносу репрессированы и погибли. Светлана в детстве их очень любила и называла дядя Алеша и тетя Маруся. Ваню был сначала отправлен в «психушку», а потом на рудники в Джезказган. Вернулся он в Москву только в 1956 году. Закончил истфак МГУ, аспирантуру. Работал в Институте стран Азии и Африки.

Этот брак многим казался странным и распался слишком уж быстро. В архиве случайно попала на глаза вырезка из газеты «Вечерняя Москва», в которой тогда в обязательном порядке печатались объявления обо всех разводах:

«Сванидзе Иван Александрович... возбуждает дело о разводе с Аллилуевой Светланой Иосифовной...»

Жизнь явно не складывалась. Некоторые близкие к Свет-

лане люди считают ее разрушительницей, вносящей сумятицу и раздоры в отношения между людьми. Может быть, в полной мере это сказалось потом, а тогда 35-летняя женщина просто металась в поисках своего счастья. Конечно, больно ударила по ней кампания по разоблачению и безоглядному очернению отца. Она страдала, замыкалась в себе, а потом, не сумев вынести одиночества, вновь кидалась в очередной любовный омут.

Пророчества сбываются. Князь заморский

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я хорошо помню начало 60-х. Заканчивалась хрущевская «оттепель». Жизнь моя так и не складывалась. Не радовала и работа. Что-то пыталась писать, переводить. Но все, что называется, «в стол». По пустяковому поводу легла в Кремлевскую больницу удалять миндалины. Ни с кем там не общалась. Только процедуры, столовая и библиотека. В те годы я увлеклась Индией. Много читала Рабиндраната Тагора, книги о Неру и Махатме Ганди. В больнице лежало много коммунистов из разных стран, в том числе и из Индии. Както в коридоре я обратила внимание на седого сутулого индуса в очках. Он разговаривал с иностранцами то по-английски, то по-французски. Мне захотелось поговорить с ним, задать несколько вопросов, на которые я не находила ответов.

Однажды разговорились. Его звали Сингх Баджеш. Сын богатого раджи. Он жил и учился в Англии, Германии, Австрии, Франции. Мы говорили по-английски. Я представилась ему. Он был потрясен. Я видела это по его лицу. Но он был тактичен и никогда об этом со мной не разговаривал. Наконец-то я встретила человека, который с интересом выслушивал меня. Мне было с ним легко и интересно. Доброжелательный, мягкий, улыбчивый человек.

После больницы меня и Баджеша отправили на поправку в Дом отдыха в Сочи. Мы повсюду бывали вместе, и это вызывало раздражение у партийных функционеров. Некоторые даже отваживались советовать мне быть поосторожнее. Зачем, мол, вам сдался этот индус? По возвращении в Москву мы уже не представляли жизни друг без друга. Он должен был возвращаться в Индию, но обещал, что скоро вернется, будет у нас работать. Как-то он сказал мне: «А вдруг я вас никогда больше не увижу?» Баджеш был неизлечимо болен. У него был хронический бронхит. Я расплакалась, а он стал утешать меня: «Я скоро вернусь, и все будет хорошо». Но не тут-то было. Советские функционеры делали все, чтобы не пустить его в Союз. Ставили палки в колеса, всячески тянули, а он не мог понять, что происходит. Но я-то все понимала. Мне самой нужно было заручиться поддержкой верхов. Я попросила помощи у Микояна. И он помог мне. В начале 1965 года Сингх снова приехал в Москву. Прямо с аэродрома я повезла его в «Дом на набережной», к себе домой. Дети

не возражали. Они полюбили его.

Вы знаете, вот теперь я думаю, что Браджеш был единственным человеком, с которым я могла бы прожить всю жизнь в состоянии полного покоя и безмятежности. Он был на 23 года старше меня, умнее, мудрее. Индусы вообще люди другой жизненной философии. Мы решили пожениться, хотя он страшился этого: «Я человек больной, боюсь стать вам обузой...»

В Москве был один загс, где регистрировали браки с иностранцами. Я ездила туда, чтобы навести справки. И буквально на следующий день мне позвонили из приемной Косыгина и попросили приехать. Меня это сразу насторожило. Он встретил меня стоя. Протянул свою вялую руку и начал задавать вопросы о жизни, о работе. Я сказала, что сейчас не работаю. На мне дом, семья, дети. У всех хорошие пенсии, нам хватает. Он начал говорить о том, что понимает, как трудно мне быть в коллективе в годы после смерти отца. Я сказала, что ко мне всегда прекрасно относились, а не работаю я из-за домашних забот... и муж больной человек. Когда он услышал о муже, то буквально взорвался: «Что вы надумали? Вы молодая женщина. Зачем вам этот старый больной индус? Мы все решительно против. Мы не разрешим регистрировать брак. Подумайте, что будет, если он увезет вас в Индию и там бросит. Таких случаев сколько угодно. Оставьте вы все это. Вам нужно быть в коллективе. Ваш индус пусть остается. Живите как хотите, но брак мы регистрировать не

дадим». Простились сухо...

Дома я все рассказала Сингху. Он был потрясен. Он не понимал, как можно так унижать человека, не считаться с его желаниями и чувствами, лишать человека возможности увидеть мир. К тому времени я уже написала свою первую книгу «Двадцать писем к другу», а Сингх знал, что у нас преследуют неугодных писателей, не публикуют их. Он предложил переправить книгу в Индию, где его брат издаст ее. Это было сделано.

Браджеш работал переводчиком в издательстве «Прогресс». Конечно же, туда были даны определенные указания. Вокруг него создали тяжелую атмосферу, стали высказывать недовольство его работой, а он очень боялся ее потерять. Это означало отъезд из Москвы. Нас просто начали травить. От этих переживаний и унижений его здоровье стало ухудшаться. Он периодически ложился в больницу, но мне после историй с отцом и братом казалось, что его лечат умышленно неправильно. У него начались сердечные приступы, одышка, астма, он задыхался. Я понимала, что дни его сочтены, но чем я могла помочь дорогому другу?

Я написала письмо Брежневу, в котором просила отпустить нас в Индию, оставить в покое. На этот раз меня уже вызвал «серый кардинал» Сулов. Он без обвиняков начал с того, что, если бы был жив отец, он никогда не разрешил бы мне брак с иностранцем. Я пыталась возражать, что сейчас другое время, что Сингх старый коммунист, что нельзя так

к нему относиться. Он отвечал, что нас не выпустят за границу, что я не должна забывать, чья я дочь, что там на меня сразу накинутся корреспонденты, возможны любые провокации, которые нанесут вред партии и стране.

Через неделю после этого разговора Сингх умер. Тихо и спокойно, как праведник. В его записной книжке я нашла запись с просьбой о кремировании его тела с тем, чтобы развеять прах над Гангом. Естественно, я должна была выполнить его последнюю волю. Я снова обратилась к Косыгину. Я была немало удивлена, что на этот раз мне разрешили ехать в Индию. 1 ноября 1966 года моего дорогого Баджеша Сингха кремировали, а уже через десять дней я получила загранпаспорт с индийской визой. 28 ноября я вылетела в Дели. Ко мне, конечно, были приставлены соглядатаи из КГБ: молчаливый дядечка и дамочка, которая следовала за мной по пятам. Это сразу привело меня в бешенство».

Глава третья. «Свой посох я доверил Богу...»

Индийский излом

Через несколько дней встреч и бесед мы почувствовали усталость Светланы Иосифовны. Это было не физическое, а, скорее, эмоциональное утомление. Очевидно, что нелегко ей давалось это неожиданное погружение в прошлое, которое, конечно же, не исчерпывалось беседами перед нашей камерой, но продолжалось, когда она оставалась одна. Одно дело предаваться воспоминаниям, которые возникают спонтанно. Человек так устроен, что в этом случае память преподносит нам только приятное. И совсем другое дело, когда ты сам решил прилюдно рассказать всю правду о своей жизни. Это трудная и утомительная работа души.

Время до отъезда у нас еще было, и мы решили на один день устроить перерыв. Светлана сказала, что останется дома, чтобы почитать документы, копии которых мы привезли, нам же захотелось просто побродить по Лондону. Побывали на центральной торговой улице Оксфорд-стрит, покатались на двухэтажном экскурсионном автобусе, прошлись по Трафальгар-сквер, сходили даже на экскурсию в Букингемский дворец, куда королевская семья периодически пускает посе-

тителей для пополнения казны. Между прочим, королевская резиденция показалась нам довольно скромной по сравнению с кремлевскими и питерскими дворцами.

Не потряс воображение и памятник Уинстону Черчиллю в Вестминстере: мешковатая сутулая фигура, надменное лицо, неизменная трость. Вспомнилось его описание встречи со Сталиным. Видимо, мы тоже уже «зациклились» на теме нашей командировки. Так вот Черчилль вспоминал, что он встречался со всеми верховными особами мира и никогда не испытывал никакого трепета. Не волновался и перед встречей со Сталиным. Но когда генералиссимус вошел в комнату, Черчилль вскочил и почувствовал, как у него задрожали руки...

Вечером в гостинице нас ждала неожиданность. Портфель вручил знакомый пакет с копиями документов из дела «О невозвращении Светланы Аллилуевой» и письмо от самой Светланы.

«23 ноября 1993 года.

Дорогие Адочка и Миша!

Возвращаю документы. Моим детям Осе + Кате хорошо бы знать (да и всем остальным тоже), как на меня все МГБ-КГБ вышверились в 1967 году. Поливали грязью всякой – и черной, и желтой. Однако те, кто меня по правде любил, так и остались друзьями. Ничего «не помогло». Не знаю, получается ли у нас, что задумали. Надеюсь, кое-что удастся.

Ваша *Светлана*».

Естественно, что при встрече следующим утром разговор пошел обо всем, что было связано с Индией и ее «бегством». Но прежде прочтите и вы те самые документы.

«Шифротелеграмма. Вне очереди. Особая. ЦК КПСС. МИД СССР.

7 марта 1967 года обнаружено исчезновение Светланы Аллилуевой. Через возможности резидента КГБ установлено, что предположительно она вылетела из Дели в ночь с 6 на 7 марта. Вместе с ней – установленный американский разведчик, второй секретарь посольства США Рейли.

Пока можно предположить два варианта: или Аллилуева добровольно ушла к американцам, или была похищена ими».

«Секретно. ЦК КПСС.

Сов. послам, представителям СССР.

Для вашей ориентировки сообщаем, что невозвращению Светланы Аллилуевой, дочери Сталина, в Москве не придается значения. Вам следует проявлять безразличное отношение к этому случаю и не обсуждать это с иностранцами».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Я ведь поехала в Индию не для того, чтобы бежать. Я по-

ехала, чтобы выполнить свой долг – отвезти прах дорогого друга. Через месяц я должна была вернуться. Но наш посол в Дели Бенедиктов получил указание, в чем я уверена, как можно быстрее отправить меня обратно. Человек ведь ничего не планирует, не знает, как судьба повернется. Не успела я приехать, как мне сразу этот месяц отменили. Дали неделю срока. Весь гнев, какой только мог собраться за всю мою жизнь против чекистов, против слежки, против нажима этого унижительного, как будто я неразумная девочка, все это во мне там разыграло и пришло в состояние кипения. Ну дайте вы мне месяц, чтобы я съездила в деревню к его родственникам. Это 600 миль от Дели. Оставьте вы меня в покое! Я хочу побыть там, посидеть с его родственниками, поговорить с близкими ему людьми. Перед отъездом в деревню я объявила послу, что намерена задержаться там на месяц. Ни минуты покоя. На близких Сингха тоже давили. Скорее туда, скорее сюда. Правительство само все сделало, чтобы я не захотела возвращаться...

Наплевав на все, я осталась в деревне и стала медленно погружаться в индийскую жизнь. Это было, как наслаждение от теплой и ароматной ванны. Жизнь в Калаканкаре, родовой деревне Сингха, была во всех отношениях иной, не похожей на мою прежнюю. Именно это было мне совершенно необходимо. Как воздух. Я устала от напряжения последних дней в Дели, последних месяцев в Москве и от всей моей ненормальной, двойственной сорокалетней жизни. Я чувствовала-

ла, что подошла к какому-то пределу, внутреннему разлому судьбы.

Но ясных и четких решений я еще не могла для себя найти. Было только острое неотвратимое желание жить иначе. Я не знала, возможно ли будет остаться в Индии, хотя и не представляла, как буду жить здесь. В Калаканкаре ждали Индиру Ганди, которая должна была совершить сюда предвыборную поездку. Когда-то в Москве меня представляли ей, так что я вполне могла надеяться на разговор. Однако хоть встреча и состоялась, ясности она не внесла. Индира очень любезно сказала, что, если ее выберут весной премьер-министром, она попробует помочь мне. Весной, а шел всего-навсего январь...

В результате после этого разговора в деревню заявился второй секретарь нашего посольства Суров (удивительно, что я все еще помню фамилии этих людей). Он заявил, что Москва отказала мне в продлении визита, цели которого, по их мнению, уже достигнуты. Мне надлежало срочно вылететь в Дели...

Возвращение домой становилось реальностью. Меня раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, я очень соскучилась по детям, ведь мы не виделись уже более двух месяцев, так надолго мы не расставались никогда, а с другой – страшно было подумать, что я опять вернусь к своей прежней жизни. Кстати, ее прикосновения я очень остро ощутила, когда оказалась в посольском городке, где все бы-

ло так рутинно, до отвращения знакомо, засижено мухами. Меня бесили сидящие на лавочках разжиревшие и самодовольные жены и дети посольских работников.

Мне передали письмо от сына Иосифа. Он писал, что все у них с Катей в порядке, но очень тоскуют без меня. Дети просили быстрее возвращаться. Потом я поняла, что эту настойчивую просьбу им продиктовали в органах, но тогда сердце у меня заныло.

И все же Индия как-то раскрепостила меня. Я перестала чувствовать себя собственностью ненавистного мне государства. Да провалитесь вы все! Это уже просто невозможно! Учтите, что к этому времени хрущевская «оттепель» уже кончилась, либерализм кончился. Тут уже правили Косыгин, Сулов, Брежнев. Декорации поменялись. Начались эти привычные «тащить и не пущать». Они говорили мне, как когда-то отец говорил: что ты там с писателями, артистами крутишься, не надо тебе богемы. Я ненавидела это все, а тут ехать обратно. К моменту отъезда у меня скрежетало внутри: ну я дам вам сейчас по морде, не вернусь!

И все же я до последнего момента колебалась. Я уже детям подарки купила. Завтра мне улетать, а сегодня посол Венедиктов с женой пригласили меня на ланч... И тут за столом опять советская действительность – как она меня давила. Посол вернул мне паспорт. Это он сделал большую ошибку, ему потом за это досталось. И тут во мне, как говорится, «упрямства дух нам всем подгадил, с царем мой пращур не

поладил». В голове у меня крутилось: не упускай свой шанс, не возвращайся! Раз в Индии остаться было невозможно, тогда – Америка.

Я ни у кого не просила политического убежища. Я даже слов таких не знала. Я поехала как бы по магазинам. Остановилась у американского посольства, вошла в дверь, дала дежурному паспорт и сказала, что не хочу возвращаться в Советский Союз. Помогите мне вылететь отсюда немедленно. Спросили, какая у меня фамилия: Аллилуева или Сталина? Ответила, что с 1957 года Аллилуева. Спросили: «Вы действительно дочь Сталина?» Говорю: да. Мне показалось, что вначале они как-то опешили, а может быть, и не поверили. Предложили заполнить какие-то бумажки, написать биографию. Никаких слов о политическом убежище в этих документах не было. Американцы растерялись. Думаю, что звонили в Вашингтон, советовались. Наконец появился человек и сказал, что они готовы немедленно посадить меня в самолет и отправить в Европу, пока здесь не хватились.

Полетела я с их сопровождающим...

Когда мы прилетели в Швейцарию, я первым делом хотела встретиться и обсудить ситуацию с моими друзьями: знаменитым французским писателем Эммануэлем де Астье и его женой Любой Красиной, дочерью знаменитого советского наркома иностранных дел, которая еще в гимназии училась с моей мамой. Но тут вмешались другие силы: ЦРУ, адвокаты, журналисты. Я была так наивна, что не могла себе

даже представить, в какую переделку попала. Мне не дали ни с кем встретиться, посоветоваться. Я оказалась в руках адвокатов. Среди прочего они подсунули мне какие-то бумаги насчет издания моей книги «Двадцать писем к другу», рукопись которой была со мной. Словом, как я потом поняла, облапошили меня.

После всех этих формальностей и подписаний мне наконец-то разрешили встретиться с Любой и ее мужем, специально приехавшими из Парижа. «Вы уже все подписали? – спросили они. – Ну, теперь вы попали из одной клетки в другую».

У меня еще была возможность отказаться от своего поступка. Советская сторона делала вид, что ничего не произошло, хотя на Западе уже поднялся шум. Еще бы, такая сенсация – сбежала дочь Сталина! Мои новые опекуны решили спрятать меня от назойливой прессы, а заодно, я думаю, и от агентов КГБ в маленьком монастырском приюте в Швейцарских Альпах. Из какой-то маленькой сельской гостиницы удалось связаться по телефону с сыном. Говорила в основном я. Пыталась все объяснить, повторяла, что я не вернусь, я не туристка. Ося все понял, но не задавал вопросов. Хорошо, что Кати не было дома. Я бы просто не выдержала разговора с ней...»

Отвергнутая родина

Слушая рассказ Светланы Иосифовны о ее поездке в Индию, решении не возвращаться на Родину, перелете в Европу, а затем и в США, все время не оставляли вопросы о том, как все это восприняли дети, ближайшие родственники. И, естественно, вернувшись в Москву, мы первым делом начали искать ответы. С огромным трудом удалось добиться согласия на интервью от Иосифа Григорьевича Аллилуева. Профессор, кардиолог, доктор медицинских наук, он был человеком совершенно не публичным, известным лишь в своей профессиональной среде. Иосиф Григорьевич никогда и никому не давал никаких интервью, тем более не мелькал на телеэкране.

Мы встретились в его обычной по советским меркам квартире в доме на Большой Полянке, который, правда, был известен тем, что жили там, в основном, сотрудники КГБ, бывшие и действующие. Нас встретил человек с вполне «профессорской» внешностью: предпенсионного возраста, представительный, вальяжный, седовласый, чем-то неуловимым похожий и на мать, и на знаменитого деда. До сих пор непонятно, почему он согласился на этот разговор, тема которого не предвещала ничего, кроме тягостных воспоминаний и неприятной необходимости оценивать жизнь и поступки матери, и свои собственные. Может быть, на закате жизни (а

он скончался через несколько лет) появилась необходимость высказать свою точку зрения на все, что произошло, было столько раз оболгано и извращено?

Из интервью Иосифа Аллилуева:

«Первой нам с сестрой сообщила о происшедшем какая-то женщина, сопровождавшая ее. Я не поверил. Молод же еще был – мне 21 год, а сестре 16. Тем более что мне несколько раз звонили, что мама тогда-то туда-то прилетает. Я подхватывал шубу, очень холодно было, и мчался на аэродром. И так 3-4 раза. Ждал в Шереметьеве. Никто не прилетал. Потом уже передали по зарубежному радио...

Сейчас об этом рассказывать проще, а тогда был просто шок. Я о Кате вообще не говорю. Она же еще школьницей была. Я ее просто выключил из всего, держал в неведении. Я уже был относительно взрослым и прекрасно знал, что бывает в таких случаях бегства за границу. Молодежь сейчас не знает, а тогда это квалифицировалась как измена Родине. В первую очередь страдали ближайшие родственники. Их преследовали, лишали работы, изгоняли из вузов, а иногда даже отправляли в лагеря. Я учился на 4-м курсе мединститута и оказался в очень сложном положении. Я не знал, что будет с нами: дадут ли доучиться, оставят ли жить в Москве? Но потом постепенно впечатление сложилось, не зная, конечно, всех этих секретных бумаг, а просто по логике развития событий, что нас решили оставить в покое. Не трогать, никого

не высылать, из института не выгонять.

Через месяц, наверное, раздался какой-то странный международный телефонный звонок. Звонила мама. Говорила в основном она, а я, потрясенный, молчал. Понял лишь тезис о «туризме» и решении не возвращаться. Конечно, после всего, что случилось, ее увещевания мужаться, держаться вместе и не отдавать Катю Ждановым звучали странно. Ни капли раскаяния, желания быть вместе, а только неуместные наставления. Катю я к телефону не позвал, сказав, что ее нет дома. Она и так после этого звонка долго не могла прийти в себя, переживала все тяжелее, чем я.

В ответ я написал письмо, в котором высказался в том духе, что своим поступком она отделила нас от себя, и если уж мы сумели перенести это, то и в дальнейшем будем жить, как считаем нужным, сами устроим свою жизнь».

*Из дела «О невозвращении Светланы Аллилуевой»:
КГБ в ЦК КПСС*

«Учитывая, что дети Светланы Аллилуевой будут использоваться в мероприятиях против матери, целесообразно переписать на имя сына лицевой счет квартиры, талоны на кремлевское питание и дачу.

Андропов».

Из собственноручного письма детей Светланы Аллилуевой в ЦК КПСС:

«Вновь продумав все обстоятельства поведения матери,

мы находим ему единственное объяснение – в ее душевном заболевании.

В это трудное время мы еще раз ощутили заботу о нас, за что выражаем ЦК КПСС нашу глубокую признательность.

Екатерина Жданова, Иосиф Аллилуев».

Из интервью Иосифа Аллилуева:

«Никто меня в КГБ не вызывал, огнем или горячим утюгом не пытал, на конспиративные квартиры не зазывал, сотрудничества не предлагал, гонораров не платил. Однажды, правда, совершенно открыто в институт ко мне пришел человек, представившийся нашим куратором из КГБ и оставивший на всякий случай свои телефоны. Письмо, которое вы мне показали, действительно написано моей рукой, но всех обстоятельств я уже не помню. К тому же у меня, да и не только у меня, а и у многих родственников, было ощущение, что это просто затмение ума у человека. Не в том смысле, что она с ума сошла, а в том смысле, что сгоряча, вот так достало. Тогда все вокруг родные так говорили. Казалось, стоит только расставить все точки над «i» – и проблема разрешится. Ну, подумаешь, посол что-то не так сказал, швырнул паспорт – ерунда все это...

Сейчас, по прошествии многих лет, я так не думаю. Много бед наслоилось в ее жизни. Чего стоит хотя бы самоубийство матери, о котором она узнала уже взрослой. Истинную причину смерти ведь скрывали. А жизнь в Кремле с отцом, ежедневное общение с его лживым циничным окружением,

аресты и гибель многих близких и дорогих ей с детства родственников, смерть Сталина, его последующее жестокое развенчание и поругание собственными соратниками! Как врач могу сказать, что всего этого вполне достаточно для значительного изменения психики, измотанности души. Оттого, наверное, и возникло это желание бежать. Бежать все равно куда, хоть в Америку.

Нечто подобное мы почувствовали и на себе, когда было официально объявлено Косыгиным о бегстве матери, о том, что она морально и психически неустойчивый человек».

Из дела «О невозвращении Аллилуевой»:

КГБ в ЦК КПСС

«КГБ докладывает об активном стремлении американской стороны использовать дело Аллилуевой для усиления клеветнической кампании против СССР. Через резидентуры КГБ за границей целесообразно организовать публикацию комментариев, в которых бы содержались сведения, компрометирующие личность и моральные стороны Аллилуевой, бросившей своих детей, осквернившей память отца и потерявшей гражданскую честь.

Андропов».

Из интервью Иосифа Аллилуева:

«Это было тяжелое время. Видимо, с подачи того же куратора из КГБ, который не оставлял нас, ко мне стали являться иностранные журналисты, что по тем временам было нере-

альным. Я работал в две смены: утром в институте, вечером – бесконечные интервью с глупыми вопросами. Приходилось повторять одно и то же: нас никто не притесняет, нашей жизни ничто не угрожает, все идет нормально и прочее в том же духе, в «Комсомольской правде» даже попытались организовать наше отречение от всех старших родственников, включая мать и Сталина. Слава богу, ходу этой кампании не дали. Я, между прочим, как всякий нормальный человек, любил и люблю всех своих родственников. И обоих дедушек любил, хотя один, со стороны отца, Иосиф Григорьевич Морозов, был «врагом народа» и сидел в лагерях, а второй, как известно, – великим вождем того же самого народа. Вот такая семейка. Ну уж куда занесло, туда занесло. Христиане говорят, что человеку дается крест не тяжелее того, что он может вынести. Вот и несем. И мать несет. Жалею ее. Она же сама свою жизнь развалила. Я уж не говорю о нас всех. Я уверяю вас, что с 1967 года отвечать на все эти вопросы, жить в этом совсем не приятно.

Между прочим, через несколько лет после этих событий и у меня было «помутнение».

Я переживал тяжелый период, не удалась личная жизнь, не клеилось на работе. Мне вдруг показалось, что выход есть только в том, чтобы уехать к матери, соединиться с единственным родным существом. Ничего, как я сейчас понимаю к счастью, не удалось.

Из дела «О невозвращении Аллилуевой»:

КГБ в ЦК КПСС

«В перехваченном нами письме Иосиф Аллилуев жалуется на свое одиночество после развода с женой, скучает по матери, хочет с ней увидеться. Установлено, что он вынашивает намерение уехать за границу. В последние годы Иосиф Аллилуев стал раздражителен, не интересуется общественной жизнью, увлекается спиртными напитками.

Представляется целесообразным Минздраву СССР проявить к нему, как к молодому врачу, повышенное внимание, а Совмину СССР заменить ему квартиру на лучшую...

Андропов».

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Об этом документе я впервые узнала от вас, увидела его копию. А вот письмо помню хорошо. Иосиф сообщал, что жена ушла от него, забрав сына, что ничто его не удерживает на Родине и он хочет жить в Америке. Я была в полном смятении. Я всегда очень надеялась, что мои дорогие дети меня поймут, что я никакая не «змея-разлучница». Ведь я поехала для них, думала, что мы соединимся, да забыла как-то о длинных руках КГБ. Нам бы никогда не дали этого сделать. К кому только я не ходила с этим письмом! Сколько над ним проплакала! Сын просил о помощи, а меня мордой об стол приложили. Грустно очень.

Тут была «холодная война» в самом разгаре, и я оказалась в самом пекле. Дальше было очень трудно. Я пыталась начать

новую жизнь в Америке. Но попробуй, начни! Тут бесконечная реклама. Я все время на виду, на улицу выйти нельзя: все тебя знают по бесконечным телепередачам и фотографиям в газетах. Я никогда в жизни не стремилась к этому, не ожидала и не хотела. И к деньгам я не стремилась. Я же не нищей жила! Я хорошо жила в Москве, лучше, чем когда приехала в Америку. Деньги приносили только несчастье. Все считали мои миллионы, а их было значительно меньше, чем писали. Период эйфории быстро кончился. Надо было начинать жить. А тут вся эта шумиха. Это было ужасно!

Но я привыкла никогда ни о чем не жалеть. Происходят какие-то ужасные вещи, а потом все идет своим чередом. Сейчас хуже – потом лучше. Это судьба. Никогда ничего не знаешь про себя. Надо все принять и надеяться на лучшее. И я себе сказала: не рыдай, не бейся головой об стенку. Что будет, то будет.

Лжи было очень много. У нас в стране говорили, что поехала за богатством, за большими деньгами. Меня это убивало. Это было оскорбительно. Я все время надеялась, что хоть мои дети не поверят. А они-то как раз и поверили: поехала за красивой, хорошей жизнью. Никакой сладкой жизни у меня не было. Я не за этим ехала. Я хотела уехать от советской действительности, от КГБ. Я хотела дать по морде правительству, которое помогло уйти на тот свет моему отцу, погубило моего брата, а потом взвалило всю вину на отца, вместо того чтобы разобраться.

У меня скверное отношение к советскому правительству до сих пор. Я его и сейчас называю «советское правительство», потому что, насколько я могу судить, мало что изменилось. Я не вижу радикальных перемен, чтобы сказать: вот новая Россия. А как сейчас живут россияне? Между прочим, в Америке тоже многие живут бедно. И англичане – несчастные они. Во Франции живут очень бедно. Я говорю о народе, об основной массе населения. Как они экономят! Из цыпленка кости вынут – бульон сварят. Постельное белье – каждую дырочку заштопают. Донашивают до момента, пока не развалится.

Так что ни за каким богатством я не гналась. А иллюзий было много: иллюзия счастья, иллюзия справедливости. Ах, Америка – великая демократия! Ах, Англия – великая европейская держава! Ах, Индия – спокойствие, мудрость, никаких волнений! А на самом деле люди всюду убивают друг друга, всюду свое горе и, как говорят англичане, свои «скелеты в шкафу». Так что каждая иллюзия – новый урок. Учим! Помните, Максимилиан Волошин писал в 20-е годы такое грустное обращение к народу: «Молитесь же, терпите же, примите же на шею гнет, на плечи трон. На дне души гудит подводный Китеж, наш неосуществленный сон...» Вот так и гудят неосуществимые сны. Таким является и счастье...»

Нас поразили эти неожиданно эмоциональные откровения. Было совершенно очевидно, что в душе Светланы Иоси-

фовны до сих пор остры переживания и боль от обид, нанесенных ей много лет назад. И как же не соответствовала наша героиня тому образу, что был создан когда-то советской прессой и, кстати, с подачи КГБ, и многими западными изданиями. Весьма типичен заголовок в «Известиях»: «Богоискательница за доллары». Или статья в «Литературной газете», в которой утверждалось, что Аллилуева всегда была истеричкой и параноиком. Зарубежным корреспондентам настойчиво рекомендовали для интервью «друзей» Аллилуевой, среди которых не было ни одного настоящего. Пытались давить и на родственников из клана Аллилуевых.

Из интервью Александра Аллилуева:

«Нас довольно долго обрабатывали. Приходили из разных газет и одной известной организации, уговаривали, чтобы мы с сестрой от нее отrekliсь, публично осудили. Взывали к совести, патриотизму, пытались даже припугнуть. Мы наотрез отказались, хотя моя мама и старшая сестра Кира после войны были репрессированы и побывали в лагерях. Теперь же ущемить нас они ничем не могли. Ну уехала и уехала. Это ее дело. И вообще хочу, чтобы ей было хорошо. Все это аллилуевские и сталинские семейные штучки. Мой отец, Павел Сергеевич Аллилуев, дядя Светланы и родной брат ее матери, рассказывал мне, что в детстве хотел сбежать в Америку. Получается, что это семейная традиция. Желаю ей удачи».

Из интервью Киры Аллилуевой-Политковской:

«Никаких осуждений, отречений, тем более публичных. Наоборот, я ее очень хорошо понимаю. Ведь и я натерпелась от этой власти. Совсем еще девчонкой оказалась в лагере, потом в ссылке. Мама тоже. Хорошо, брат был еще совсем мальчишкой – пронесло. А Светлане просто надоело быть здесь каким-то чучелом: или за ней бегают, или охранник по пятам ходит. Она поняла, что в этой стране у нее не будет свободы. К ней все приставали из любопытства, она все время была на виду: «дочь Сталина, дочь Сталина...» И все же мне ее трудно понять. На что она надеялась, отправляясь в чужую страну, где ее никто не ждет? Любопытство, сплетни быстро проходят. А что дальше? Я об этом все время думаю: где мне ее искать, что делать? Надо учитывать и характер, гордость и, конечно, безысходность. Сама себя в капкан загнала. Она себя ищет, ищет – и найти не может. Чужие страны, чужие люди. Звонить перестала. А раньше говорила: «Я так люблю слышать твой голос, ты обязательно рассмешишь, настроение поправишь».

Мне кажется, что все, кто покидает Россию, очень тоскуют. Чем-то она захватывает: людьми добрыми, душевностью, простотой. Всегда найдутся люди, которые тебя пожалеют, а там каждый за себя, плевать им на других, да еще иностранцев. Жалею, плачу – сестра все-таки...»

Из интервью Александра Бурдонского:

«Я очень понимаю ее со всеми «за» и «против», которые есть во всем, что Светлана делает. Сохрани меня Господь осуждать ее! Я очень ей сострадаю, и это, наверное, сродни любви. То, что она не нашла ни с кем общего языка, даже со своими детьми, это их дело. Я даже не хочу в это влезать. Несмотря на свою обаятельность, внешнюю мягкость, она очень твердый, жесткий, бескомпромиссный человек. В этом она тоже дочь Сталина. Это противостояние... Мне кажется оно органичным. Она много претерпела каких-то трансформаций, изменений. Были ли они верными? Не знаю, не могу судить. Я бы никогда не смог уехать...

Куда бы она ни уехала, она все равно российский человек. От этого никуда не деться. Я поставил пьесу на эту тему. Там есть такой символ: скрипучая дверь. Ужас. Все зажимают уши. Эта дверь – некий выход из придуманной, кем-то созданной фальшивой жизни, в которую ты попадаешь... А есть другая жизнь, но решиться на уход в эту жизнь, открыть эту скрипучую дверь никто не решается. Все понимают – но нет. Тут надо понимать, что такое эта свобода. Мы плохо изучаем науку одиночества. Постоянное нахождение самой с собой. Двойственная натура, которая со всем жаром бросается из одной крайности в другую. Это не приносит счастья. В результате такая вот судьба. Но вряд ли она бы хотела, чтобы ее жалели. Существует определенная гордыня. Согласитесь, что гордость и гордыня – вещи разные».

Если советская пропаганда создавала из Светланы Алли-

луевой образ психически нездоровой неврастенички, не сумевшей пережить разоблачение и развенчание отца, погнав- шуюся за «длинным долларом», то на Западе она представ- лялась ярым борцом с коммунизмом, героиней, бросившей вызов советской системе. И, конечно, никого не интересова- ли истинные переживания этой метущейся женщины, кото- рая хотела лишь наладить новую жизнь, каким-то образом реализовать свои иллюзии. Одним из главных ее устремле- ний тогда было издание своей первой книги «Двадцать пи- сем к другу» и написание другой.

Но и эти ее планы были хорошо известны на Родине.

КГБ в ЦК КПСС

«В книге Светланы Аллилуевой обращает на себя внима- ние то, что Сталин характеризуется только с положительной стороны, подчеркивается его огромная работоспособность, скромность, аскетизм, любовь к народу, ненависть к пышно- сти и презрение к касте. Вина за преступления возлагается на Берию и Систему, перед которыми даже сам Сталин был бессилён...»

С этого документа начинается странная и до сих пор не из- вестная до конца история публикации на Западе книги «Два- дцать писем к другу». Все права на нее приобрело американ- ское издательство «Харпер энд Роу». Американцы торопи- лись. Приближалось 50-летие Октябрьской революции, и от

советской стороны, которая весьма опасалась выхода книги в канун такой важной даты, можно было ожидать чего угодно. Уже было известно о давлении Москвы на Госдепартамент США, многих влиятельных политиков с целью отложить издание. Намекали даже на возможное ухудшение советско-американских отношений.

Однако наиболее действенной оказалась провокация с публикацией фрагментов рукописи в западногерманском журнале «Штерн» под заголовком «Мемуары Светланы» с комментариями некоего Виктора Луи. Этот корреспондент лондонской газеты, бывший при этом советским гражданином и, что совершенно очевидно, агентом КГБ, уверял, что знаком с Аллилуевой. Именно она якобы передала ему вариант рукописи и фотографии. Сама же Светлана заверила нас, что никогда не была знакома с этим Луи. Фотографии и рукопись были просто похищены из запертого ящика ее письменного стола. Скорее всего, это было сделано во время негласного обыска или посещения московской квартиры Виктором Луи для интервью с Иосифом и Катей. А мы уже знаем, что детям было настойчиво рекомендовано общаться с зарубежной прессой.

Из интервью Светланы Аллилуевой:

«Расчет был на то, что до издания книги весь мир узнает о ней из «варианта» Виктора Луи и потеряет к ней всякий интерес. К тому же его «вариант» и комментарии подчеркива-

ли главные пункты пропагандистской кампании против меня: «сумасшедшая с повышенной сексуальностью и ближайший помощник своего отца». Невинная история с Каплером, о которой я вам рассказывала, была раздута до «страстного романа с оргиями». «Пахнувшие табаком поцелуи отца» превратились в заголовок: «Мой отец был хорошим человеком».

Все это было совершенной бредятиной, рассчитанной одновременно на задавленных пропагандой советских людей и на ничего не знающих западных читателей. Оказалось, что я всю жизнь находилась под наблюдением психиатров, носила бриллианты Романовых, ела с золотой посуды, о чем мы с вами уже говорили, жила в бывшем царском дворце. Больше того, отец советовался со мной по политическим вопросам, я вела дом, без меня не принималось ни одного важного решения. Договорились даже до того, что я присутствовала при подписании секретного пакта с Риббентропом в 1939 году (тогда была еще ребенком), а в Швейцарию я поехала, чтобы взять деньги, положенные отцом в тамошние банки.

В лондонской «Дейли экспресс» Луи опубликовал и фотографии, украденные из моего письменного стола. Заголовок был дан совершенно идиотский: «Секретный альбом Сталина». Имена, даты, факты – все было перепутано. Но особую боль вызывали появлявшиеся на страницах газет фотографии детей на фоне знакомых до боли книжных полок в нашей московской квартире. Ося и Катя выглядели такими несчастными, растерянными... А вопросы им задавали

подходящие, типа: «Сколько еще мужей было у вашей матери?»»

Я знала, что нельзя рвать сердце, реагировать на каждую ложь или небылицу. Это разрушительно. Стоило ли тратить жизнь на опровержение всей этой клеветы. На Западе каждый пишет то, что хочет. Приходилось мириться с этой обратной стороной свободы. Но как резок был для меня переход из одного мира в другой. Кости трещали на этом повороте...

Помните, у Вячеслава Иванова есть стихи:

Я посох свой доверил Богу
И не жалею ни о чем.
Пусть выбирает сам дорогу,
Какой ведет меня в свой дом.

Глава четвертая. На чужих берегах

Крушение американской мечты

Еще за много лет до встречи со Светланой Иосифовной мы читали ее первую книгу. Тогда, в конце 60-х, она ходила по Москве в замусоленных «самиздатовских» копиях наравне с прозой Пастернака, Солженицына, Шаламова, Набокова. Естественно, что эти кое-как сброшюрованные полуслепые машинописные копии вызывали ажиотажный интерес у читающей публики. Мы так мало знали правды о своей собственной истории, о подлинных судьбах известных людей, что интересно было любое живое слово, любое непосредственное свидетельство. И, конечно, особо притягивала возможность хоть немного заглянуть за непроницаемую Кремлевскую стену, с удивлением узнать, что и там живут обычные люди со своими страстями, судьбами, проблемами.

В Америке же «первенец» писателя Аллилуевой не имел громкого успеха. Для западного читателя в этой камерной, очень личной и какой-то целомудренной книге было слишком мало скандального, разоблачительного. Не оправдались надежды и на интимные подробности из жизни вождя и его окружения. Публику интересовали только ее отец и множество подробностей его жизни, которые в книгу не вошли.

Первый год за рубежом стал годом путешествий и поистине цыганского кочевья. Она объездила чуть не полмира: Азия, Африка, Америка. Упущенные за всю предыдущую жизнь впечатления были восполнены, и пора было становиться на якорь, как-то и где-то обосновываться в этой жизни, тем более что с издателями уже была согласована новая книга «Только один год».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.